

Кир Булычев

Гусляр-2000 (сборник)



Гусляр

Кир Булычев

Гусляр-2000 (сборник)

«ЭКСМО»

2005

Булычев К.

Гусляр-2000 (сборник) / К. Булычев — «Эксмо»,
2005 — (Гусляр)

ISBN 978-5-425-05628-3

Великий Гусляр... Этот город невозможно найти ни в одном, даже самом подробном географическом атласе, но на карте русской фантастики он выглядит заметнее иных столиц. Кир Булычев с присущим ему неподражаемым юмором, мудрой иронией и язвительным сарказмом поведал нам о нравах и порядках Великого Гусляра, о его жителях и необычайных происшествиях, то и дело приключающихся с ними. И пусть описываемые события порой выглядят совершенно невероятными, нетрудно заметить, что вымышленный городок отразил в себе многие черты нашей родной действительности. Любимое детище Кира Булычева, «гуслярские хроники» создавались на протяжении четырех десятилетий и включают более 100 повестей и рассказов. В данный сборник включены произведения: ... Но странную любовь Перерожденец Роковая свадьба Мечта заочника Скандал Клин клином Вирусы не отстирываются Голова на гренадине Женской доле вопреки Лекарство от всего Девочка с лейкой Шестьдесят вторая серия Разговор с убийцей Звезды зовут! Шкурка времени Ляльки Шпионский бумеранг Чего душа желает

ISBN 978-5-425-05628-3

© Булычев К., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

...НО СТРАННОЮ ЛЮБОВЬЮ	5
ПЕРЕРОЖДЕНЕЦ	9
РОКОВАЯ СВАДЬБА	22
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Кир Булычев Гусляр-2000

...НО СТРАННОЮ ЛЮБОВЬЮ

Корнелий Иванович Удалов шел со службы домой. День был будничным, прохладный, вокруг города толпились тучи, но над Великим Гусляром ярко светило солнце. Виной тому был космический корабль зефиров, который барражировал над городом, не давая тучам наползать на него.

У продовольственного магазина «Эльдорадо» продрогший зефир из мелких покачивал детскую коляску, чтобы успокоить младенца, которого мамаша оставила на улице, уйдя за покупками. Младенец попискивал, но плакать не смел.

Удалов испугался, что зефир опрокинет коляску.

– Ты поосторожнее, – сказал он.

– Я очень стараюсь, – ответил зефир, – хотя ребенок выведен из душевного равновесия. Но в любом случае я благодарен вам за совет и внимание, Корнелий Иванович.

«Они всех нас по именам знают. Никуда от них не денешься!» – подумал Удалов.

Свернув на Пушкинскую, он увидел еще одного зефира, постарше, который собирал пыль и собачий помет в пластиковый мешок.

– А где дворник? – спросил Корнелий.

– Фатима Максудовна кормит грудью своего младшенького, – ответил зефир. – Я позволил себе ей помочь.

Зефир сам уже был покрыт пылью. Работал он старательно, но неумело.

– Ты что, никогда улиц не подметал? – спросил Удалов.

– Простите, – ответил зефир, – у нас давно нет пыли.

– Ну и тоскливо, наверно, у вас.

– Почему вы так считаете?

– Во всем у вас порядок, всего вы достигли.

– Нет предела совершенству, – возразил зефир.

– И чего тогда к нам примчались?

– Мы несем совершенство во все части Галактики.

– Ну-ну, – вздохнул Удалов.

– А жаль, – сказал зефир, – что мы кое-где порой сталкиваемся с недоверием.

Удалов пошел дальше и возле двери своего дома обогнал небольшого зефира, который тащил сумки с продуктами.

– Это еще для кого? – спросил Удалов.

– Надо помочь, – ответил зефир, втаскивая сумки на крылечко и открывая упрямой головкой дверь. – Профессор Минц занемог. Мы встревожены.

Зефир обогнал Удалова в коридоре. Ловко открыл ноготком дверь к Минцу и, подбежав к столу, закинул туда сумки с продуктами и лекарствами.

– Ей-богу, не стоило беспокоиться, – хрипло произнес Минц. Он сидел в пижаме на диване. Горло было завязано полотенцем. Профессор читал журнал. Шмыгнув носом, Минц виновато сообщил Удалову: – Простуда вульгарис. Прогноз благоприятный.

– Это ты его в магазин посылал? – спросил Удалов.

– Не совсем так, – ответил Лев Христофорович. – Один зефир забежал ко мне днем узнать, как выглядит подвенечное платье...

– Чего?

– Подвенечное платье, – повторил Минц. – Они решили сделать подарок невесте Гаврилова.

– Ну уж это перебор! Гаврилов третий раз женится. Пускай у предыдущей жены позаимствует.

– Ты живешь старыми ценностями, – возразил Минц. – Нынче молодежь серьезнее относится к атрибутике. Они решили венчаться и полагают, что память об этом событии, включая подвенечное платье, сохранится на всю жизнь.

– Значит, этот, – Удалов кивнул на зефира, – получил информацию, потом проникся сочувствием и пошел в аптеку и в магазин?

– Разумеется, – сказал зефир. – А как бы вы поступили на моем месте, Корнелий Иванович?

– Я бы вызвал врача, – буркнул Удалов.

– Но вы же знаете, Корнелий Иванович, – в голосе зефира прозвучал легкий укор, – что скажет врач. А я сделаю все то же самое, но лучше.

И тут Удалова прорвало:

– Какого черта?! Какого черта вам нужна вся эта благотворительность?

– Корнелий, – попытался остановить его Минц. – Откуда такая агрессивность?

Зефир подождал, пока в комнате поутихло, и ласково произнес:

– Мы решили все проблемы у себя на родине и теперь несем добро на другие планеты.

Мы всех любим, мы хотим счастья всем существам в Галактике.

Удалов уже не раз слышал эти слова и не мог понять, ну почему же они его так раздражают? Другое дело – был бы в них подвох. Но за последний месяц все жители Великого Гусляра убедились, что подвоха нет. Как назло – нет.

Удалов сдержанно вздохнул, наблюдая за тем, как ловко зефир, взобравшись на стул, режет на тарелке огурчики и помидоры, готовя салат для больного профессора, которому нужны витамины.

Дома у Корнелия тоже было несладко.

Ксения сидела у телевизора, один зефир занимался стиркой, а другой, незнакомый, пылесосил большую комнату.

– Ксения, – сказал Корнелий Иванович. – Ну нельзя так все пускать на самотек!

– Я их что, просила, что ли?

– Ты не возражала, – упрекнул Удалов.

Зефир выключил пылесос, чтобы не мешать беседе супругов, и, вскинув лысенькую головку, произнес:

– Мы же рады помочь.

– Есть мнение, – сказал ему Удалов, – что потом вы предъявите нам счет за услуги. Такой, что век не расплатиться.

– Ах, Корнелий Иванович! – Зефир сложил лапки на пузе. – Вы же взрослый, умный и опытный человек. Ну чем вы смогли бы нам заплатить?

– Сама постановка вопроса некорректна, – послышался другой голос, и, запрокинув голову, Удалов увидел третьего зефира, который как муха ползал по потолку, протирая его белоснежной тряпкой.

– Мы давно уже унитаза делаем из золота, – сообщил первый зефир.

– А вот некоторые говорят, – сказала невестка Удалова, вернувшаяся с занятий в речном техникуме, – что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

За невесткой, подобно африканскому невольнику, плелся зефир, который тащил на голове куль вещей из химчистки.

– Не нагружала бы ты его так, – сказал Удалов. – Ты посмотри, он уже посинел.

– Он сам хотел, – возразила невестка.

- Я сам... – пискнул зефир и упал, придавленный поклажей.
- Меня возмущает, – сказала невестка, – как они нас морально поработают.

Удалов с трудом поднял куль с вещами. Зефир был неподвижен, из полуоткрытого ротика вырывались приглушенные стоны.

- Этого еще не хватало! – Ксения оторвалась от телевизора, потому что серия кончилась.
- Я сам... – прошептал зефир.

Его товарищи вынесли из комнаты уже безжизненное тело.

- Эх, нехорошо получилось, – сказал Удалов.

– Нормально, все нормально, – ответил зефир, который держал сгинувшего собрата за ноги и потому покидал комнату последним. – Когда мы идем делать добро, мы знаем, насколько это опасный и неблагодарный труд.

- Неправда! – крикнула вслед ему Ксения. – Я каждый раз вам спасибо говорю.

Небольшой зефир протиснулся в форточку и, закрыв ее за собой, радостно сообщил Ксении:

- Я достал сухую мяту!
- Иди тогда на кухню, там один из ваших обедом занимается.
- Ксения, это эксплуатация! – возмутился Удалов.
- Я только помогаю им выполнять их желания.

Удалов хлопнул дверью и побежал к профессору Минцу.

Там картина изменилась. Хотя Минц все еще сидел на диване, теперь перед ним стояла шахматная доска, а напротив него, с другой стороны доски, сидел немолодой зефир.

- Плохи мои дела, – сказал зефир.
- А вы не поддавайтесь мне, – ответил Минц.

– Не поддаваясь, я рискую испортить вам настроение, а в вашем физическом состоянии это недопустимо.

Удалов от двери сказал:

– Слушайте, мне все это смертельно надоело! – И тут же отпрыгнул в сторону, потому что из коридора подкрался еще один зефир, который принялся чистить ему ботинки.

- Все прочь! – приказал Удалов. – Вы хоть человеческий язык понимаете?
- Уходим, – ответил зефир-шахматист, и все зефиры немедленно испарились.

Удалов сбросил со стула пачку журналов, уселся и спросил Минца:

- Скажи мне, скажи, что происходит?
- Оптимальный вариант вторжения из космоса, – ответил Лев Христофорович.

– Кто же так вторгается?! – воскликнул Удалов. – Почему они нас не угнетают, не уничтожают? Почему все происходит наперекосяк? Я о таком не читал!

– Мы настолько привыкли к тому, что наша история состоит из вторжений, уничтожений и угнетений, – ответил Минц, глядя в окошко, где все еще летал кругами космический корабль, – что не допускаем мысли об ином поведении и иных целях. Хотя именно об этом много лет назад талдычили советские писатели-фантасты.

- На то они и есть советские фантасты, – возразил Удалов.
- Мы вас воспитываем добрым примером! – приоткрыв дверь, крикнул изгнанный зефир.
- Вы думаете, что нам нужны добрые примеры?
- Они всем нужны.

Удалов сжал виски ладонями. Нет, это не укладывалось у него в голове. И он не был исключением. С тех пор как над Великим Гусляром появились космические корабли зефиrow, многие задавались вопросом: «Зачем нам такое счастье?»

В первые дни после высадки инопланетян горожане нарадоваться не могли на гостей – и помощники, и добровольцы, и спасатели! Все помнили о том, как, сорвавшись с высокого тополя, погиб зефир, который пытался снять оттуда глупого котенка.

– Пожалуй, – заговорил Минц, шмыгая носом и похрипывая, – им надо было брать за все плату. Хотя бы символическую. Мы бы легче к ним привыкли. Зря они упорствуют в том, что добрые дела – цель их существования. У добра должен быть предел. – Минц имел в виду ужасную историю, случившуюся вчера. Один пенсионер, ветеран, придушил зефира, который принес ему перед сном шлепанцы.

С утра город затаился, опасаясь репрессий. Но репрессий не последовало.

Руководство зефиров принесло искренние извинения пенсионеру за то, что покойный зефир спровоцировал его на резкие действия, и подарило новый холодильник «Филипс» с доставкой на дом.

– Чувствую я, – сказал Удалов, – что надвигается роковой момент.

– Вы уверены? – спросил из коридора зефир-шахматист.

– Улетайте от нас, по-хорошему прошу, – сказал Удалов. – Не можем мы отвечать добром на добро. Не умеем. Не приучены.

– Нет, – возразил шахматист. – Мы согласны на жертвы. Но мы верим в добро.

Удалов вздохнул и вышел на улицу.

Темнело.

За столом сидело несколько соседей Удалова. Они держали в руках костяшки домино, но игру не начинали. Вокруг – на траве, в кустах, на ветках тополя – расположились зефиры-болеельщики.

– Давайте, друзья, начинайте! – крикнул один из них.

– Гру-бин чем-пи-он! – закричал другой зефир из группы поддержки.

– Нет, я так больше не могу! – завопил Грубин и, вскочив, метнул костяшки в своих болеельщиков.

– Да гнать их надо в шею! – закричал Синицкий. – Они моему внуку все уроки делают и даже на контрольных подсказывают. Школа уже достигла стопроцентной успеваемости!

И тогда могучий Погосян тоже кинул в пыль костяшки, обернулся, неожиданно подхватил под мышки двух зефиров и выбежал на середину двора. Одного за другим он швырнул их в вечернее небо, где завис космический корабль.

– И чтоб не возвращались! – крикнул Погосян им вслед.

Взлетев на небо, зефиры включили ранцевые двигатели и направились к своему кораблю.

И тут, словно поддавшись единому порыву, все жители города от мала до велика стали хватать зефиров и закидывать их в небо, приговаривая:

– И чтобы не смели возвращаться!

Через полчаса корабль зефиров полыхнул белым огнем из своих дюз и взял курс на неизвестную звезду.

* * *

...С тех пор прошло три недели.

Удалов возвращался с работы в автобусе и случайно подслушал такой разговор:

– А может, зря мы их повыкидывали? – спросил один мужчина другого. – Теперь и придраться не к кому.

– Я уж вчера своей благоверной врезал. Так, для порядка, чтобы суп не пересаливала.

– При них суп никто не пересаливал, – вздохнул первый.

Тут в разговор вмешался третий, постарше:

– Хрен с ним, с супом. А вот у меня сосед еврейской национальности, все на скрипке играет.

– И больше не к чему придраться? – спросили его из другого конца автобуса.

– В том-то и дело, – ответил мужчина.

ПЕРЕРОЖДЕНЕЦ

Удаловы купили дешевый круиз в межсезонье. Над Средиземным морем хлестали дожди, непогодило даже над островом Капри, где творил когда-то писатель Горький, у которого, говорят, недавно отняли в Москве улицу и передали гражданке Тверской. Удалов о такой революционерке даже не слышал.

Ксения ждала, когда будет мальтийский порт Ла-Валетта, потому что там есть кожаные куртки: сыну и внуку нужны качественные изделия. Удалов дождливые дни просиживал в салоне или у пустого бассейна. Изредка позволял себе пропустить по маленькой с Василием Борисовичем, который отдыхал в каюте полулюкс. Василия Борисовича конкуренты звали Питончиком и всё ждали, когда его пристрелят. Может, потому он и потянулся к простому пенсионеру из города Великий Гусляр.

Сидя у бассейна, они переговаривали на многие темы. Питончик все больше ругал демократов. За что – непонятно, потому что при коммунистах был таким мелким чиновником, что брал трешки в подворотне, а в демократическую эпоху смог завести себе женщину-референта с ногами, которые начинались от бюста, а о ее бюсте один певец сочинил песню «Как я трогал горы Гималаи».

Удалов, налетавшись по галактикам, тяготел к демократам, так как полагал, что демократы ратуют за демос. Питончику он о своем тайном убеждении не говорил – зачем расстраивать руководящего работника?

На теплоходе «Память „Нахимова“ было пустынно, как на пляже в Сухуми в разгар сезона. В бассейне резвилась только Дилемма Кофанова – известная рок-певица, которую Удалов раньше не знал. Все думали, что ее имя – псевдоним. Только Питончик, который знал все про всех – почему и оставался до сих пор в живых, сообщил Удалову, что Дилемма – ее настоящее имя. А вот фамилия ее – Вагончик. Именно фамилию она и скрывала.

Василий Борисович долго смеялся, прикрыв губы ладонью, – он был человеком смешливым, но знал, как это опасно. Имея телохранителя, Дилемма тем не менее тянулась к Питончику, потому что у нее была замечательная интуиция, которая подсказывала, что Питончик при желании может заглотить всех ее поклонников, не поморщившись.

И такой человек, по мановению руки которого к борту подъезжал «Мерседес» и которому послы бывшего Советского Союза наносили визиты в черных фраках, имел слабость! Он был жертвой современных суеверий – верил в астрологию, летающие тарелочки, телепатию, колдовство, черную и белую магию, заряженную воду и переселение душ. Переселение душ занимало Питончика более всего. Вытянув вперед волосатые ножки, так что чистые пяточки нависали над бассейном, и потягивая сок гуайявы, Василий Борисович рассуждал:

– Оказывается, – подумай, Корнелий – мы с тобой уже жили на этом свете, но совсем в другом качестве. Может, был ты рабом при постройке древнеегипетских пирамид, а я, скажем, советником фараона. И все время приходилось мне тебя, прости, пороть за нерадивость.

Василий Борисович раздул ноздри и сощурил махонькие желтые глазки. Видно, у него было своеобразное воображение: в нем жил несостоявшийся тиран и диктатор.

– А рассказывают, – произнесла Дилемма Кофанова, – что человек при перерождении сохраняет свои способности.

Она подплыла к бортику бассейна. Ее купальная шапочка была оклеена небольшими резиновыми райскими птичками, и грима на лице почти не наблюдалось, отчего только очень близкие знакомые могли бы угадать, с кем имеют дело.

– На этом основан принцип выбора далай-ламы, – развил тему Василий Борисович. – По самым отдаленным населенным пунктам Тибета рассылают курьеров, чтобы выяснить, не

родился ли там мальчик в момент смерти предыдущего далай-ламы. Причем он должен обладать рядом особенностей.

– Родинкой на лбу, – сказала Дилемма.

– Родинкой, размерами, формой носа и так далее. Если все совпало, то мальчика берут в монастырь и воспитывают. Пока не подойдет время его настоящей инаугурации. Понятно?

Василий Борисович спрашивал строго, как с подчиненного, и потому Удалов отвечал покорно, как подчиненный.

– Понятно, – сказал он. – Мальчика воспитывают.

– Конечно, не все тебе понятно, – вздохнул Питончик. – Это уже не мальчик, а новое воплощение далай-ламы.

– Главное не это, – сказала Дилемма и подплыла так близко, что Удалов испугался, как бы Питончик не ткнул ее пяткой в лобик. – Главное, – сказала она, – в том, что каждый из нас уже жил и наслаждался природой и различными ласками.

– В прошлой жизни ты сидела дома и не каталась по морям, – строго сказал Дилемме Питончик.

– О нет! Я была маркизой! За мою честь благородные люди – дворяне, графы – обнажали шпаги, лилась кровь... Море крови!

Пришел бармен, черненький, завитой. Спросил, что принести. Даже у Корнелия спросил, ибо был выучен в новых традициях, когда деньги решают все. Так как было прохладно, заказали согревающих напитков, и Василий Борисович продолжил интересный разговор:

– У меня есть знакомый, директор института, не будем говорить какого...

Он сделал паузу, и остальные поняли, насколько секретный этот институт.

– Он мне точно сказал, что там открыли, как угадать, кем человек был раньше.

– Ой! – сказала Дилемма и чуть не выронила бокал в бассейн.

– Но это теория? – спросил Удалов.

– Что я, на теоретика похож, что ли? – обиделся Василий Борисович. – Точно уже разработано. Закладывают все данные в машину, считают двадцать секунд, и вот тебе ответ: настоящий тип уже проживал триста лет назад и провел свою жизнь в тюрьме «Кресты» за карманные кражи и грабежи приютов.

– Это вы о ком? – испугалась Дилемма. Она даже оглянулась, опасаясь, что жулик-пере рожденец пробрался в бассейн.

– Уже есть программа опытов, – сообщил Василий Борисович полупшепотом. – Для ведущих государственных чиновников. В Японии это принимает массовый характер.

– Говорите, говорите! – умоляла его Дилемма.

– Больше ни слова, – ответил Питончик, как отрезал. – Здесь всё имеет уши.

Бармен тут же высунулся из своей дверцы – уши у него были тонкие, прозрачные. Но имелись в виду другие уши.

Разговор продолжился вечером, когда Дилемма отпела три песни в концерте для немногочисленных обитателей салона «Малахов редут», отмахнулась от липучих поклонников и велела телохранителю принять водки и идти в каюту. Так что они остались в углу салона втроем, сильно выпивши, и Василий Борисович был весел. Кошачьи глазки Питончика сверкали непринужденным весельем, и, предвкушая неудержимый интерес собеседников к его тайне, он заранее наслаждался тем, как помучает их, прежде чем раскроет ее...

Сдался он только в половине двенадцатого.

– Ребята из ФСБ мне нашептали, – сказал Питончик. – Есть новые результаты. Опровергают все самые неожиданные ожидания... Хуже не придумаешь.

– Василий Борисович, – посмел перебить Удалов, – а с какой целью проводится эта государственная программа? Ведь кто есть, тот есть. Не сажать же его в тюрьму за преступления его предыдущей оболочки?

– Ах, как сказал! – обрадовалась Дилемма. – Предыдущая оболочка! У меня тоже была.
– У тебя была шкура, – грубо ответил Василий Борисович, потому что чувствовал свою силу и мог поизгаляться над ближними. – А программа проводится с понятной целью. Чтобы знать, чего в будущем ждать от ответственного товарища.

– Все равно я не понимаю, – вставила Дилемма. – Мало ли у кого какой характер?

– На большом посту последствия могут быть роковые.

– И как же комиссия...

– Вот в этом вся штука. – Питончик налил из бутылки «Белой лошади» себе в фужер, добавил шампанского, потому что любил гулять изысканно, хлопнул и заел омарчиком. – Комиссия на самом высоком уровне. Если наш перерожденец неуправляемый, опасный, то его стараются тихо подвинуть, пока парламентская дума не узнала и не предложила в президенты. Вы омаров пробовали? Очень советую, велите принести, если с валютой свободно.

– Я могу себе позволить! – окрысилась Дилемма.

Люди познаются в мелочах. А в мелочах Василий Борисович производил впечатление прижимистого гражданина.

– Простите, – спросил Удалов, – а какой-нибудь пример можно узнать?

– Я тебе пример, а ты – в «МК», и там сенсация. А потом меня нечаянно машиной инкассатора переедут. Это бывает...

– А мы – никому! – сказала Дилемма. – Ни слова.

– Вы имен личных не употребляйте. Так, чтобы только пример, – просил Удалов. – Например, один товарищ или одна гражданка...

– Эх, все равно рискую, ох, рискую...

Питончик помолчал. Хлопнул еще стакан виски с шампанским. Золотой перстень с изумрудом загадочно сверкнул, кинув лазерный луч по салону. Дилемма подобралась, как пантера, – за таким изумрудом можно прыгнуть и с десятого этажа.

– Привожу пример, – сказал Питончик негромко. – Есть один человек в столице. На руководящем посту. И стал он вызывать опасения специалистов своей гигантоманией.

– Как так? – удивилась Дилемма, которой такое выражение было неизвестно.

– В масштабах столицы он начал баловаться Днепрогэсами. И чем дальше, тем больше. За пределами разумного. Ну, допустим, есть в столице триста разрушенных церквей. А он строит на пустом месте собор выше Эйфелевой башни. Гору строит – поставит на ее месте пику, которая пронзает Луну. Даже зоопарк превратил в бетонный готический замок на десять кварталов. А в центре города сделал яму...

– Знаю, знаю, – сказала Дилемма. – Вы имеете в виду...

– Ни слова! – прошептал злобно Питончик. – Мне за клевету пропадать не хочется.

Он собственноручно влил в глотку певицы стакан виски с пивом. «Конотопская лукавая» – так именуется этот коктейль в кругах теневого бизнеса. А Удалов, чтобы замаять неловкую паузу, спросил:

– Ну и какие результаты?

– Собралась комиссия, взяли у него волосок. И обнаружили, что он и на самом деле перерожденец...

– А кем он был раньше? – задыхнулась от нетерпения Дилемма.

– Фараоном Хеопсом, – ответил Питончик, глядя в потолок, по которому бегали цветные пятна от прожектора.

– Кем? – спросила еще раз Дилемма.

– Египетским фараоном. Соорудил пирамиду рабским трудом сограждан, не обращая внимания на царившую вокруг нищету и угнетение трудящихся.

– Он врет, да? – спросила Дилемма Удалова. Но Корнелий Иванович не был в том убежден и потому с сомнением покачал головой. Где-то он слышал про такого жестокого фараона.

– Вы не отвлекайтесь, – приказал Питончик. – Что от меня узнали, больше нигде не скажут. Топ-секрет!

– Ну и что? – спросил Удалов. – Предположили...

– Дурак! Не предположили, а доказали! Убедительно доказали. Теперь эти разработки японцы у себя пускают. У них даже дворника не возьмут на службу, пока не выяснят, кем он был в предыдущем рождении.

– А конкретно? – спросила Дилемма.

– Конкретно – собрали Совет безопасности, вызвали туда человека и сказали: «Ты можешь храмы и автостоянки сооружать, крупнейшие в мире. Но учти, что мы ждем от тебя угрозы. Так что отныне тебе, товарищ хороший, запрещено возводить в Москве пирамиды и усыпальницы. Чуть что – мы тебя, как Хеопса, замуруем в твою пирамиду, и доживай там свой срок».

– И что? Что? – Карие глаза Дилеммы ярко пылали.

– Поплакал он. Все же натура у него хеопсовская. Потом смирился. Важнее должность сохранить. Ей соответствует погребение на Новодевичьем.

Василий Борисович помахал пальцами, призвал официанта и заказал еще бутылку виски и побольше пепси-колы.

– А кого еще проверяли? – спросила Дилемма.

– Мы политиков не трогали, – сказал Питончик с лукавой пьяной усмешкой.

– А если из правительства? – спросила Дилемма.

Но Питончик повернулся, захватив недопитую бутылку, потому что не могло быть у него такого пьяного состояния, чтобы он своего не взял, и побрел к себе в каюту. Так что Удалов узнал в тот вечер много, но недостаточно.

* * *

– Больше к разговору о перерождениях не возвращались, так как у Питончика появились интересы, связанные с дочкой одного министра из соседнего полулюкса, которая спала с телохранителем Дилеммы. В результате разразился скандал с мордобоем, а Удалова никто больше не замечал, и с ним почти не здоровались.

Корнелий верил и не верил информации, сообщенной ему Питончиком, и в нем роились дополнительные вопросы. Только задать их было невозможно.

До самого последнего дня.

В последний же день, когда лайнер гордо подошел к причалу Одесского порта, судьба в последний раз столкнула бывших собеседников на трапе. Как в трагедии, где в последней сцене выходят все жертвы и мерзавцы, чтобы выяснить отношения.

Первой спускалась Дилемма в оранжевых волосах и зеленом плаще. Пограничники при виде нее сделали под козырек. Телохранитель пронзил их волчьим взглядом. Затем спускался Удалов с супругой. Уже на набережной он догнал Дилемму и негромко сказал ей вслед:

– До свидания, Дилемма Матвеевна. Рад был с вами познакомиться. Спасибо от публики за ваш талант.

Дилемма обернулась на голос. В момент расставания что-то дрогнуло в ее сердце. Она улыбнулась, сверкнула карими глазами, взмахнула ресницами и сказала:

– А славно мы с вами надрались в тот вечер!

Ксения ахнула: Удалов ей не во всем признается.

– Не бойтесь, мамаша, – сказала ей Дилемма. – У нас с вашим мужем доверительные отношения, но не интим.

– Вот именно! – раздался голос сверху. Там спускался Василий Борисович. Сам Питончик. – Мы славно посидели.

Оказывается, и он мог быть сентиментальным. Удалов расплылся в улыбке.

– Рад с вами попрощаться! – крикнул он.

Они все остановились у трапа на причале. Синий «Мерседес» медленно двигался вдоль борта.

– Ну вот, за мной уже приехали, – с некоторой ностальгией в голосе сказал Питончик.

– Тогда скажите скорее, а то всю жизнь буду мучиться, – страстно взмолилась Дилемма. – Скажите, чей перерожденец тот человек, который так грубо с женщинами обращается? Я буквально торчу, когда его по телику показывают!

– Все в жизни не так просто, кошечка, – сказал Василий Борисович, ласково, но твердо хватая короткими пальцами эстрадную звезду за подбородок и поворачивая ее к себе с намерением, видно, впиться на прощание губами в розовые губки гражданки Вагончик. – Ты думаешь, если человек заявляет, что намерен вымыть свои сапоги в Индийском океане, значит, он в предыдущем рождении был Александром Македонским?

– Да, – прошептала Дилемма, не пытаясь вырваться.

– А когда проверили на генетическом уровне, оказалось, что в предыдущем рождении наш с тобой герой был чукчей!

– Ах! – вырвалось у Удалова.

– Вот именно. И этот товарищ чукча всю жизнь мечтал вымыть ноги в теплой воде. А так как советская власть дала чукче начальное образование и поведала о стране Индии, а вот горячую воду в те края не провела, то и образовалась у чукчи мечта, не реализованная ввиду ранней гибели чукчи на клыках моржа.

Сказав так, Питончик страстно впился устами в губы певицы, и Ксения Удалова резким движением оттащила мужа к таможене и пограничному контролю.

А синий «Мерседес», на котором, как подумал Питончик, приехали за ним, притормозил возле целующихся Дилеммы с Питончиком, бесшумно и быстро опустились тонированные стекла, и изнутри засверкали ярко-белые вспышки. Оказывается – стреляли. Оказывается, за Василием Борисовичем приехали не друзья, а враги.

Питончик опустился на мокрый холодный асфальт, увлекая за собой Дилемму. Которой, впрочем, было все равно, потому что погибла и она.

Закричала Ксения, ахнул Удалов – к счастью, в тот момент они уже были в нескольких шагах от места трагедии.

На похороны Удаловы не попали – у них уже были заказаны на тот день билеты до Вологды.

* * *

У Корнелия осталась на сердце тяжесть.

Многое пришлось ему в жизни видеть, но такого зверства – ни разу.

Поэтому можно понять, почему он ни с кем из друзей не поделился сведениями о перерожденцах. Словно возникла черная шторка в памяти – а за ней прятались беседы, которые он вел на теплоходе.

А приподнялась эта шторка в тот неприятный день, когда Усищев предложил гражданам Великого Гусляра избрать в каждом подъезде по доносчику, чтобы он информировал правительство города о настроениях и неправильных словах.

В тот день Удалов пошел с профессором Минцем погулять по набережной. Многие жители города пошли в тот день погулять по набережной или даже в парк. Наиболее осторожные уехали в лес, к озеру Копенгаген. Усищева все принимали всерьез.

Удалов с Минцем гуляли себе по набережной, раскланивались со знакомыми, но разговаривали вполголоса. И тут Минц неожиданно дал толчок размышлениям своего друга.

– Иногда мне кажется, что Усищев в прошлой жизни был унтером Пришибеевым. Был такой герой в сатирическом рассказе Чехова. Любил все запрещать и пресекать. А при том – жулик и пройдоха, если я не путаю его с каким-то другим унтером.

– Ты хочешь сказать, что он жил раньше? – вырвалось у Корнелия, и тут же с кристальной ясностью перед его внутренним взором предстала сцена в салоне теплохода «Память „Нахимова“, пьяный взгляд Василия Борисовича и горящие карие глаза несчастной Дилеммы.

– Есть такая теория, – сказал Минц и запустил в речку Гусь плоский камешек. Надвигалась зима, и ближе к берегу река уже начала покрываться ледком, отчего камешек подпрыгнул, звякнул по льду и только потом сгинул в черной ноябрьской воде. – Но научно не подкрепленная.

– Значит, может, мы с тобой уже пожили свое?

– Не исключено, – улыбнулся печально профессор. – И даже померли.

– А мне один покойный человек говорил, что в одном нашем институте уже измерительная аппаратура работает, а японцы даже на работу без проверки не берут.

– Какой еще проверки? – воскликнул Минц.

– Чтобы избежать опасности. Если человек в предыдущем рождении был партизаном, то его ни за что нельзя брать на работу стрелочником. Рано или поздно происхождение скажет свое, и он подорвет вверенный ему поезд.

– Где ты набрался этой чепухи?

– Я же говорю – целые институты этим занимаются. А мы здесь прозябаем!

Удалов не хотел обидеть профессора, но, конечно, обидел. Тот замолчал и стал смотреть на седые облака.

– В Москве даже опыт с одним большим начальником провели, – сказал Удалов, дотрагиваясь до рукава своего друга. – Он отличается гигантизмом за народный счет. То собор, то монумент, а людям жрать нечего...

– И что же? – спросил Минц.

– А то, что он оказался перерождением египетского фараона Хеопса.

– Маловероятно!

– Что маловероятно? Есть постановление правительства – ему запрещено впредь возводить на территории России пирамиды и обелиски.

Минц усмехнулся. Он все еще был настроен скептически.

– А еще один человек, который хотел ноги в Индийском океане вымыть, оказался... – заговорил Удалов.

– Только не говори, что он перерожденец Александра Македонского.

– Нет, он перерожденец чукчи, который по теплой воде тосковал.

– Почти смешно.

– А вы проверьте. Вы ученые, вам все карты в руки.

– А что? Вот я направляюсь на той неделе в Барселону на конгресс по генной инженерии, там и поговорю с кем надо.

На том они и расстались, а ночью Удалову кошмарно снилась несчастная Дилемма Кофанова, распростертая у его ног на мокром и холодном асфальте одесского причала.

* * *

Возвратившись вскоре из Барселоны, профессор Минц сразу заглянул к Удалову. Он был возбужден, капельки пота блестели на склонах лысины, дыхание было неглубоким, но частым.

– Идем ко мне! – повелительно сказал он, едва поздоровавшись.

Ксения хотела было велеть Удалову сначала доесть компот, но по виду соседа поняла, что случилось Нечто. И промолчала.

Внизу Минц, раскрыв портфель, вывалил из него не только бумаги, кассеты и перфокарты, но и несколько разного вида приборов.

– Мы живем в утробной глуши! – закричал он тонким голосом. – Вокруг люди открывают и закрывают Америки, а мы не знаем, кто из нас перерожденец!

– А они знают?

– Ты был прав, Корнелий, и мне стыдно, что я так провинциален.

– Значит, он и впрямь из Хеопсов? – спросил Корнелий.

Минц не сразу вспомнил, потом хлопнул себя по лысине и засмеялся:

– Хеопс, точно Хеопс. Но это еще цветочки...

– Лев Христофорович, а как о других?

– Корнелий, возьми себя в руки. Конференция международная. Их интересуют свои персонажи. Мадам Тэтчер, например...

– И кто она?

– Ну, сам должен был догадаться. Конечно же, королева Елизавета Первая.

– Ага, – согласился Удалов, который не представлял себе, чем прославилась королева Елизавета Первая. – А другие?

– Скажем, президент Клинтон...

– Да плевал я на президента Клинтона... в переносном смысле.

– А больше не помню... Да, мне говорили о режиссере Михалкове.

– И что?

– Забыл. Что-то иностранное, но – забыл.

– Сейчас ты скажешь, что и Аллу Пугачеву забыл?

– Нет сведений. Да отстань ты от меня с мелкими конкретными примерами! Ты, видно, не до конца осознал суть открытия. Ведь каждый человек может родиться не один раз и не два, а может, даже десять. В истории человечества был не один Наполеон. Но в большинстве своем они не успевали взобраться на вершину власти, и их кушали другие соперники. Так что и пирамида у нас одна, а не сто...

– Понял, – сказал Удалов. – Первую Аллу Пугачеву надо искать в образе Шахерезады.

– Умница! – похвалил его Минц. – А теперь скажи, как у нас в Гусляре. Что нового, что плохого?

– Ой, не говори! Боюсь, что до выборов не доживем. Лютует Усищев, забирает власть. А как его выберем – сожрет.

Минц сочувственно кивал головой.

Потом он положил на стол тяжелый черный шар размером с крупное яблоко.

– Это генератор, – сообщил он. – От него исходит энергия, соединяющая поля.

– Какие поля?

– Между перерожденцами существует общее поле. Чтобы отыскать его и расположить в нем перерожденцев, требуется этот шарик.

– Понятно, – сказал Удалов. – Значит, ты раздобыл ту самую машинку?

– Ту самую, – согласился Минц. – Вот ее вторая часть.

Вторая часть представляла собой конус, с широкой стороны которого помещался овальный экран чуть больше ладони; на узкой части горел зеленый огонек.

– А вот это, – сказал Минц, – способ увидеть того, чьим перерожденцем ты, Удалов, являешься.

– Меня не трожь! Ничего интересного, – возразил Удалов.

– А я и не надеялся увидеть в твоём прошлом еще одного путешественника по Галактике, обыкновенного героя Вселенной.

Видно, Минц шутил. Во всяком случае, Удалов предпочел счесть его слова за шутку.

– Значит, будем разыскивать, чей ты перерожденец, Лев Христофорович, – нашелся Удалов.

– Ах, оставь, Корнелий, – отмахнулся профессор.

– Почему же, ты личность известная, можно сказать, гениальная.

– Это все в прошлом.

– А мы прошлым и интересуемся.

– Нет-нет, от меня проку не будет, – взъярился профессор.

– Но может быть, ты перерожденец самого Леонардо да Винчи! У меня на этот счет почти нет сомнений, если не считать шишки.

И Удалов не без лукавства, хотя и безобидного, указал на небольшую шишку, которая испокон веку виднелась над правым ухом профессора.

– Я тебя не понял, – насторожился профессор.

– В это самое место, как говорит наука, – ответил Удалов, – Исааку Ньютону угодило яблоком.

Минц попытался рассмеяться, но получилось неубедительно. И Корнелий понял, что себя профессор Минц проверять на перерожденчество не станет. А если и станет, то тайком от общественности. Потому что после неудачной шутки Корнелия Минцем овладел ужас: а вдруг он – перерожденец какого-то совершенно не известного и даже неинтересного человека, как бы подкидывш Истории?

– А вот такая проблема меня волнует, – сказал неожиданно Минц, – так это будущее родного нашего городка.

Удалов даже рот открыл от удивления. Будущее родного городка к проблеме перерожденцев отношения вроде бы не имело.

– Удалов, Удалов! – вздохнул профессор. – Несмотря на твои подвиги и жизненный опыт, дальше собственного носа ты посмотреть не в состоянии. А я мыслю масштабно. Меня сейчас не интересует, кем были в прежней жизни Франсуа Миттеран или Алла Пугачева. Это банально. Мне не столь важно, падало ли яблоко на голову мне или другому Ньютону. Это тоже лежит на поверхности. Это подобно старой детской шутке.

– Какой?

– Назови часть лица.

– Нос.

– Поэт?

– Пушкин.

– Девяносто шесть процентов людей отвечают точно так же – берут то, что лежит на поверхности мозга, и предлагают человечеству. Моя же гениальность заключается в том, чтобы отыскать новые пути.

– И сказать «ухо» и «Лермонтов»? – спросил Удалов.

– Нет, голубчик. Чтобы сказать «бровь» и «Сафо».

Тут Удалову пришлось сложить оружие, потому что он не знал, кто такой Сафо.

– Каждое изобретение, – продолжал Минц, расхаживая по тесному кабинету, заложив руки за спину и выпятив и без того круглый живот, – должно служить человечеству. И если мы с тобой сейчас увидим в этом приборе, что я – перерожденец Ломоносова, это ничего нового никому не даст. Я и без того известный ученый. Однако если нам удастся заглянуть в прошлое товарища Усищева, то это может спасти наш город.

– Конечно, – прошептал Удалов и кинул опасливый взгляд на окно.

Для тех, кто не в курсе, можно пояснить, что до выборов в Великом Гусляре оставалось шесть дней. А на власть в городе претендовал некто Усищев, существо, рожденное новой жизнью, возникшее в городе неизвестно откуда в качестве владельца ларька у базара, затем проникшее в городскую управу, а потом оказавшееся во главе «Гуслярнеустройбанка», осно-

вателями которого стали некоторые из отцов и матерей города, а вкладчиками – обитатели. Собрав все деньги, Усищев заявил, что расплачиваться не в состоянии ввиду антинародной политики московского правительства в Боснии и Герцеговине. Народ Гусляра сильно шумел и писал на Усищева письма в разные инстанции. Но местные инстанции в большинстве случаев свои деньги не потеряли, а возместили их с прибылью, что же касается горожан попроще, то Усищев придумал для них достойное развлечение. Он доступно объяснил народу по радио, что во всем виноваты демократы и когда мы с ними окончательно расправимся, доходы всех жителей Гусляра утратятся. И все на радостях забыли о том, что их доходы лежат в сейфе у товарища Усищева.

Как и в каждом русском сообществе, не все дружно выступали за то, чтобы Усищев стал господином Великого Гусляра. Некоторые даже возмущались и называли его жуликом. Так что товарищу Усищеву пришлось выписать охрану из подмосковных Люберец, чтобы оградить себя от демократического террора, а кроме того – перетянуть на свою сторону городскую милицию, обещав построить для милиционеров плавательный бассейн, а для их детей школу фигурного катания. Не говоря уж о материальной поддержке. К тому же в город прибыли, но пока затаились шестнадцать воров в законе кавказской национальности, которые должны были помочь в день выборов, чтобы не допустить к урнам провокаторов.

Усищев, конечно же, не шутил. Корреспондент «Гуслярского знамени» Миша Стендаль напечатал статью «Если ты украл железную дорогу...» В ней говорилось о нравах в США, где большие бандиты неподвластны закону. И вот уже третий день Миша лежит в больнице с переломанными ребрами, а Усищев в той же газете «Гуслярское знамя» выступил с отповедью одному хулигану, который поднял руку на нечто святое...

Из города началась эмиграция. Но эмиграцию Усищев пресекал – он не желал править пустым городом. Для этого он мобилизовал посты ГАИ.

Вот в какую обстановку попал Удалов по возвращении из круиза по Средиземному морю, а Минц – с барселонского конгресса.

– Для меня твое сообщение, Корнелий, – сказал Минц, – стало важным толчком. Оно возродило во мне надежду на то, что мы сможем разузнать, чей же перерожденец наш бандит, грабитель и будущий уничтожитель города Великий Гусляр.

– Ты с ума сошел! Он же нас в зубной порошок сотрет.

– Если народ себя спасти не может и не хочет, в дело вступают друзья народа. Мне нужен волос Усищева.

– От усов?

– С любого места.

Удалов задумался. Задание было бы невыполнимым, если бы не одна тонкость, вспомнившаяся Корнелию: выходя по утрам из «Мерседеса» у здания «Гуслярнеустройбанка», занимавшего бывшую детскую музыкальную школу имени Римского-Корсакова (он проходил некогда в этих краях морскую практику и за это соорудил крепкое двухэтажное здание на свои кровные деньги), господин Усищев, прежде чем приступить к своим обязанностям, заходил в парикмахерскую № 1, расположенную в соседнем доме, и брился с одеколоном «Кристиан-бруталь» у старого мастера Терзибашьянца.

– Иди отдыхай, набирайся сил перед акцией, – посоветовал Минц.

Но Удалову не хотелось отдыхать. К себе-то он пошел, но не спать, а думать: вот, к примеру, удастся им узнать, что в предыдущем рождении товарищ Усищев был Иваном Грозным. А дальше что? Обнародовать? Или в Москву писать? А из Москвы возьмут и ответят: «Срочно направляйте. Нужен Родине!»

* * *

На следующий день в 10.25 Удалов без стука вбежал в лабораторию профессора.

Вбежав, он раскрыл ладонь. На ней лежала парикмахерская бумажная салфетка, в которой содержалось немного подсохшей пены со щетиной.

Минц, занятый подготовкой визита к Усищеву, спросил:

– Ошибки быть не могло?

– Наблюдал из угла, – ответил Удалов. – Лично подобрал в бумажку.

– Ну тогда иди на улицу, гуляй, а я попытаюсь узнать, с кем мы имеем дело.

Удалов погулял по соседству, дошел до музея, вернулся, посидел на скамеечке и тут услышал голос друга:

– Сколько времени?

– Половина третьего.

– Я почти догадался! – крикнул профессор.

– Так из каких он будет?

– Не могу сказать. Слишком страшно.

– Неужели Гитлер?

– Интереснее... Но и страшнее.

– А что делать будем? – Удалов не был трусом, но тут его охватила предстартовая дрожь.

– Если не боишься, пойдем со мной, – предложил Минц.

– Пошли.

Через минуту вышел Минц со своим толстым портфелем. Он шутил, что возьмет его с собой, когда поедет за Нобелевской премией.

По дороге Удалов несколько раз пытался выпытать у профессора, что за тайну тот несет в себе, но профессор был загадочен, задумчив и печален.

– Ужасно! – повторял он время от времени. – Ужасно!

Мурашки пробегали по телу Удалова.

Они так решительно подошли к «Гуслярнеустройбанку», что люберецкие молодцы, которые охраняли вход, еле успели скрестить перед пришельцами автоматы.

Удалов в удивлении посмотрел на фасад.

Фасад школы был такой же, как прежде, только профиль Римского-Корсакова сбили, а вместо него поместили профиль Усищева. Подпись же пока оставили старую: «Великий русский композитор».

– Нам к товарищу Усищеву, – строго сказал Минц.

Люберецкие потому и приехали на охрану Усищева, что не знали никого в Гусляре. Неужели в городе нашелся бы житель, который осмелился остановить, не пустить Минца и Удалова? Не было такого жителя...

– Гуляй, папаша, – сказал охранник.

Возмущенный Минц, которого никогда еще не встречали так в Гусляре, рассердился и хлопнул хама портфелем по руке. Автомат упал, а второй охранник развернулся, чтобы пропустить очередь двух старых хулиганов.

К счастью, тут на шум распахнулось окно на втором этаже, выглянула усатая рожа главного разбойника и сказала:

– Отставить пальбу! Пропустить ко мне глубокоуважаемых товарищей ветеранов, моих дорогих избирателей. А вот ты, Василий, считай себя уволенным. Если любой старый еврей может у тебя автомат вышибить – твое место на кладбище...

– Шеф, я же не ожидал!

– Тогда твое место на помойке, – сказал Усищев и выстрелил в своего охранника со второго этажа. Охранник упал бездыханным, и его алая кровь оросила автомат, а также ботинки Удалова, который кинулся внутрь музыкальной школы.

Потрясенные случившимся, старики поднялись на второй этаж. Усищев их не встретил, но они узнали, что он всегда сидит в голубой гостиной, в классе арф. Большинство арф уникальной работы было уже продано им в Бангладеш, но одна – правда, без струн, – осталась для интеллигентного антуража.

Толстый, гладкий, усатый, тонкорукий Усищев сидел за столом, уставленным его коллекцией – изображениями обнаженных девушек работы советских фарфоровых заводов.

Присесть гостям Усищев не предложил, но Минц, уже преодолев потрясение, подошел к столу, поставил на угол портфель и сказал:

– У нас к вам, товарищ Усищев, важная проблема, которая касается вашего происхождения.

– Мое происхождение не обсуждаем! – вдруг испугался Усищев.

– Вы меня неправильно поняли, – сказал Минц. – Мы знаем, что такая выдающаяся личность, как вы, уже жила на свете...

И он популярно изложил завтрашнему диктатору Великого Гусляра теорию перерождения душ. О перерождении душ диктатор раньше не слышал, и если бы не солидность профессора Минца, он бы в нее не поверил. Но когда Минц произнес:

– Может, среди ваших предшественников и Наполеон попадется, – Усищев кинулся на это заявление, расплылся и спросил:

– А что, можно уточнить?

– Это не просто, – ответил Минц.

– Сколько просите за Наполеона? – спросил Усищев.

– Аппаратура зарубежная, настройка тонкая...

– Сто баксов? – спросил Усищев.

– Послушайте, Усищев, – рассердился Минц, – мы с вами не на базаре. Какие могут быть сто баксов, если вы получите с завтрашнего дня право писать на табличке: «Бывший Наполеон, а ныне товарищ Усищев»?

– Ладно, можно и без товарища, – смирился Усищев. – А сколько?

– Завтра всероссийское телевидение сообщит: «Городом Великий Гусляр с недавнего времени руководит новый Наполеон». Как вы думаете, не появятся ли здесь руководители некоторых партий с предложением вам баллотироваться в президенты?

– Да ладно! – отмахнулся Усищев. Его руки, неловко приделанные к тугому телу, были тонкими и ломкими, а пальцы – словно когтистыми.

– Так что обойдется это вам в двенадцать тысяч долларов чеком на швейцарский банк, а также по новой квартире нам с Удаловым, как только вас изберут всеобщим благодетелем.

– Не пойдет!

Начался торг. Он продолжался минут десять. Минц и Усищев вспотели. Спорили они искренне, отчаянно, а Удалову все хотелось крикнуть: «Лев Христофорович, да обдуриет он вас, по глазам видно! Посмотрите в эти черные точки! Ни копейки не даст!»

Наконец сошлись на трех тысячах и двух квартирах.

Минц вынул из портфеля и расставил на столе приборы. Усищев смотрел со смешанным чувством страха и надежды. Ему хотелось быть Наполеоном, но он опасался подвоха и боялся, не слишком ли много обещал заплатить за сомнительную тайну.

Середину стола занял черный шар. Ближе к себе Минц поставил конус, обратив его острым концом к Усищеву, а экранчиком к себе.

– А это не опасно для здоровья? – спросил Усищев.

– К здоровью ваша наследственность отношения не имеет, – отрезал Минц. – Но должен предупредить, что у перерожденца существует тесная внутренняя связь с его предшественником. Насколько тесная, мы еще не знаем.

– А что я Наполеон, это уже точно?

– Проверим – будет точно.

– Ну давайте! – приказал Усищев и поправил буденновские усы. – Время не ждет. Чем черт не шутит... Может, и Александр Македонский... Чувствую я в себе иногда Александра, прости, Македонского.

– Заморите, закройте глаза, – велел Минц.

На экране конуса Удалов увидел вовсе не Усищева и даже не Наполеона... Там было нечто туманное.

– А нельзя так сделать, чтобы я из себя стал, как Наполеон? – спросил Усищев, не открывая глаз. – Мне это по телевизору хотелось бы показать. Постарайся, накину!

– Это мы и постараемся сделать. Если есть ваше желание.

– Ясное дело – хочу, чтобы стал, как этот самый... с которого я произошел.

Изображение на экранчике стало принимать все более отчетливую и устрашающую форму.

Удалов открыл рот, чтобы закричать, но Минц зашипел на него, как кобра.

Жужжание в конусе и черном шаре усилилось.

И тут Усищев начал приподниматься над столом, упершись в него тонкими лапами. Он уменьшался, причем скорее прочего уменьшалась голова, вернее, уже головка... Черные точки глаз сверкали отчаянно и злобно, и все более ссыхался он, все быстрее уменьшался...

– Он этого хотел, – мрачно сказал Минц.

Большой черный таракан немного постоял, озираясь, в центре стола, а потом кинулся в атаку на Минца. Нападение было столь яростным, что Минц с Удаловым прыгнули в стороны, а таракан Усищев, не рассчитав сил, упал со стола и, осознав, видно, что придется переносить свою деятельность в иной мир, шустро кинулся в угол.

– Вот и все, – сказал Минц, отключая приборы. – Человеком меньше, тараканом больше...

– Что ты наделал! – закричал Удалов. – Ты же убил городского руководителя!

– Никто не погиб, ничто не погибло. Сейчас он организует выборы в тараканьем царстве... А мы с тобой давай поспешим отсюда, а то какой-нибудь лакей с «калашниковым» заглянет и удивится.

Они вышли из музыкальной школы беспрепятственно. И пошли домой.

А по дороге Удалов попросил объяснений. Он не все понял.

– Мы все, все ученые, допустили ошибку, о которой нас уже предупреждал Будда, – сказал Минц. – Мы почему-то решили, что перерожденцы всегда были людьми. Был Наполеон – стал Гитлер. Был Ломоносов – стал Капица. А почему? Любая живая тварь может переродиться в иное существо... Вот и я попался. Несколько часов изучал волоски – щетинку кандидата Усищева, но никакой человек из них не получался. Молчит экран и показывает какие-то полосы...

Минц остановился, поглядел, как летят с криками на ночной покой вороны, раскачивая голые ветви деревьев и роняя на землю снег.

– К счастью, я гениален, – продолжил Минц. – А раз так, я решил посмотреть, а точно ли мы имеем дело с перерождением человека? Но тут одного волоска было недостаточно. Мне пришлось усовершенствовать установку, наладить более тесную связь между перерожденцем и оригиналом, чтобы исключить любую ошибку... Остальное ты видел.

– Но почему он превратился в таракана?

– Ах, Удалов, наука имеет еще столько тайн! Но он так хотел стать Наполеоном, что я не смог отказать ему в этой мечте. Кто мог подумать, что он – Наполеон, но среди тараканов?

Они дошли до ворот.

Попрощались.

– Ты что-то печален, друг мой, – сказал Минц.

– Да нет, пустяки...

– Лучше откройся мне.

– Тараканов жалко. Жили они, размножались – и тут получили тирана. Представляешь, какой он там среди них порядок наведет?

– Удалов, ты меня удивляешь. А людей тебе не жалко?

– Жалко, но бессловесных тварей больше.

– Не печалься, – сказал на прощание Минц. – Вырастет у нас еще другой диктатор. Похуже прежнего. Так что – потерпи...

РОКОВАЯ СВАДЬБА

Август завершался солидно, как в старые времена. Листва еще не пожелтела, но помутнела и пожухла, зато небо было бирюзовым, нежным, а по нему плыли облака пастельных тонов.

В понедельник Удалов возвращался с садового участка, вез сумку огурцов, два кабачка, банку собственноручно засоленных помидоров. Еще на конечной автобус заполнился такими же огородниками, у рынка многие сошли, вместо них втекал городской, в основном молодой народ. Этот народ не обращал внимания на прелести августа и не хотел единения с природой, он хотел единения друг с дружкой.

Мускулистый от щиколоток до шеи парень ограждал свою спутницу от других пассажиров. Девушка ему досталась фарфоровая, ясноглазая, вроде бы задумчивая, хотя ясно было, что задумываться ей нечем.

В годы удаловской молодости таких девиц еще не рожали и не разводили. Главной частью девицы были ноги, сооружения архитектурной ценности. На них уже можно было вешать дощечку: «Памятник архитектуры конца XX века. Охраняется общественностью». Над ногами, на уровне удаловского подбородка начинались прочие детали тела – талия, наглая грудь, а потом нечто розовое, голубое и золотистое.

Удалова покачнуло на девушку, и парень на него зарычал. Он был коротко стрижен, и наверно, в стрижке отрезали ему затылок, но обошлось без кровотечения, там была сплошная кость.

Автобус остановился у парка. Парень подтолкнул девушку, та спрыгнула с подножки, пошатнувшись на своих колоннах, но устояла. Парень тут же подхватил ее за талию и прижал к себе. Так они и ушли.

Удалов сошел на следующей остановке.

Навстречу шагал соседский мальчонка. Он вырос на глазах, два раза уже развелся. Так быстро бежит время. Было бы преувеличением назвать Колю Гаврилова умственно отсталым, но у него было в жизни одно желание – постоянно доставлять себе удовольствие. Это сужало его горизонты.

Сейчас Гаврилов получал удовольствие. Даже усы шевелились. Он вел под руку длинноногую блондинку. В ее прозрачных голубых глазах отражалось небо. Удалов представил ее на освещенной сцене с лентой через плечо: «Мисс Кандалакша».

Где-то Удалов эту блондинку уже видел.

Ага, в автобусе. Только на ней должна быть другая надпись... Что-то о памятнике архитектуры. Когда же она успела перебежать к Гаврилову от мускулистого парня?

При виде Удалова Гаврилов крепче прижал к себе блондинку, а та потерялась грудью о плечо кавалера. Красиво потерялась. У нее все получалось красиво.

Наверное, она – близняшка той, что была в автобусе...

Удалов хотел было свернуть во двор, но тут его внимание привлекло зрелище куда необычнее прежнего.

По той стороне гулял старик Ложкин, пенсионер районного значения, на поводке он вел тигра средних размеров. Тигр был настоящий – иначе бы с его пути не разбегались нечаянные кошки и собаки. Удалов хотел было поздороваться, но раздумал, потому что понимал: если Ложкин отзовется своим пронзительным голосом, тигр обязательно сорвется с поводка и набросится на Удалова.

Удалов обратил взор к облакам и принялся бочком-бочком продвигаться к воротам дома № 16.

И тут пронзительный голос Ложкина все же догнал Корнелия Ивановича.

– Куси его! – кричал Ложкин. – Пришел Удалову конец!

Удалов оглянулся и в ужасе присел. Потому что тигр был готов к прыжку.

Длинное осиное тело хищника прижалось к пыльному асфальту, глаза сузились, пасть была чуть приоткрыта, чтобы розовому языку было сподручнее облизывать клыки. Тигр усмехался. Тигр уже представлял себе, как он разорвет пополам, растерзает тело Корнелия Ивановича.

– Ты чего, охренел, что ли, сосед? – послышался голос с неба. Словно архангел Гавриил затрубил в медные трубы.

И в самом деле – сверху пришло спасение.

Супруга Корнелия Удалова Ксения спускалась оттуда медленно и неотвратно.

Радость спасенного Удалова была столь велика, что он не сразу сообразил, каким же образом его жена научилась летать, причем не махая руками, так как в руках у нее были сумки с покупками.

Ксения опустилась как раз между тигром и мужем.

– Кыш! – приказала она ужасному хищнику.

Тигр пополз задом наперед, норовя спрятаться за Ложкина.

– Ксения, – сказал Ложкин. – Ты не права. Я же только пошутил.

– Он сожрать меня хотел, – сказал Удалов. Он увидел наконец, как же летает его жена, – оказывается, у нее к спине был прикреплен небольшой пропеллер. Где-то он читал о таком средстве. Но где – забыл.

– Найдется на тебя правый суд, наперсник разврата, – пригрозила Ксения.

– Но кто же мог подумать, что он испугается? – оправдывался Ложкин.

– Мой Корнелий возвращается с приусадебного участка, – сообщила Ксения. – Мой Корнелий не совсем в курсе, как у нас развиваются события. Ты что, не заметил? Его же неделю как не было.

Тигр лежал за Ложкиным, отвернувшись к стене, и делал вид, что его там и не лежало.

– Пошли, – приказала Ксения мужу.

Корнелий пошел за женой. Он не оборачивался, хотя тигр мог и прыгнуть. Но тигр не прыгнул. И Ложкин больше не смеялся. Ксению он побаивался. Да кто Ксению не побаивается?

Во дворе никого не было. Перед дверью Ксения завела руку назад и отстегнула пропеллер. Не дожидаясь вопроса, пояснила:

– Называется «Малыш Карлсон».

– Ага! – вспомнил Удалов. – Не страшно?

– Третий день летаю. Привыкла. Удобно. Сумки таскать не надо.

Только дома, разувшись, Удалов собрался с духом и спросил жену:

– Докладывай, Ксения, что без меня происходило?

– Да как тебе сказать...

Удалов прошел на кухню за женой. На кухне стояла новая машина, видно, комбайн. Правда, Ксения раньше такими вещами не баловалась.

– Это еще что такое? – спросил Удалов.

– А ты руки мой, не спрашивай, – ответила Ксения резко, словно чувствовала себя виноватой.

– Это же, наверное, бешеных денег стоит, – сказал Удалов.

Ксения не ответила. Она открыла сверху этой хромированной машины отверстие чуть побольше среднего размера кастрюли. Кинула внутрь несколько нечищенных картофелин. Машина уютно заурчала.

– Иди, иди, – сказала Ксения.

Удалов не шел, смотрел.

В нижней части кастрюли распахнулась стенка, и изнутри одна за другой выехали две тарелки с супом. Суп был наваристый, густой, от него пахло мясом.

– Когда ты руки наконец вымоешь! – закричала Ксения, и Удалов пошел в ванную, ломая голову над тем, где в кастрюле скрывались другие продукты.

– Я видел, – сказал он, возвращаясь, – что ты клала картофель.

– Остальное синтезировалось, – ответила Ксения.

– И мясо?

– И мясо.

– Из картошки?

– Конечно, из картошки. Не из капусты же!

Ксения даже покраснела от гнева. Вот-вот сорвется с орбиты.

Удалов поспешил сменить тон.

– Ксюша, – попросил он. – Ты мне расскажи, если можешь, что в городе случилось, пока меня не было?

Ксения посмотрела на мужа недоверчиво. Почему не сражается? Почему не укоряет за траты?

– Меня многое удивляет, Ксюша, – продолжал в том же духе Удалов. – Наличие девушек, тигров и пропеллеров. А вот теперь и эта... картофелечистка.

Ксения подобрела. Пошла в прихожую, принесла оттуда газету «Гуслярское знамя».

– На, смотри.

Удалов прочел объявление.

ДЕЛОВОЙ ОТДЫХ В СВЕТЛОМ БУДУЩЕМ!

Туристическое агентство «Голден гууз» организует шоп-туры с отдыхом в Великий Гусляр светлого будущего. Автобусные экскурсии, полупансион, осмотр достижений, обед в трехзвездочном ресторане. Посещение собственной могилы, а также мест погребения ближайших родственников за отдельное вознаграждение. Стоимость краткого тура 100 долларов США или по эквиваленту. Удовлетворение гарантируется. Звонить по телефону 2-34-57 с 10 до 17, кроме субботы и воскресенья. Адрес агентства: ул. Шарлотты Корде (бывшая Большая Маратская), 2.

* * *

– Этого быть не может! – воскликнул Удалов. – Путешествие в будущее недопустимо!

– Почему же недопустимо? – спросила Ксения.

– Потому что будущего еще нет. Куда ты полетишь?

– Они лучше знают. Организаторы.

– Что-то ты путаешь, Ксения.

– Корнелий, ты меня не раздражай. То тебе расскажи, то ты верить не желаешь. А что я по небу летаю, это нормально? А бабы надувные – это нормально? А тигр надувной – это нормально?

– Как так надувные?

Такого удара Корнелий вынести не смог. Пошатываясь, он добрел до двери и спустился к соседу, профессору Минцу, за консультацией. Ксения его не удерживала.

Минц сидел дома, решал головоломку – как сложить из тысячи кусочков латиноамериканский пейзаж. Третьи сутки сидел, не разгибаясь.

– Лев Христофорович, – позвал его Удалов, войдя в незапертую дверь. – Что происходит? Дай мне объяснение.

Минц кивнул, но внимание его оставалось прикованным к облачному небу на головоломке. В пальцах он держал кусочек облака и примерял его к разным местам.

– Лев Христофорович, – продолжал Удалов. – Ты знаешь, что в нашем городе шоп-туры в будущее продают?

– Да, читал, – ответил Минц. – Но это антинаучно. В будущее путешествовать нельзя. В прошлое – пожалуйста. В будущее – нельзя.

И он положил на место кусочек облака.

– Но если нельзя, – сказал Удалов, – тогда почему надувные существа? И вообще, разве это возможно? Я сам видел, как они обнимались.

Другой, может, и не понял бы Удалова, но Минц умеет читать в душах между строк.

– Меня это тоже смутило, – сказал Минц. – Я наблюдал. И твоя жена на базар сегодня летала. А девушки производят впечатление, но уж про Ложкина с тигром я и не говорю.

– Нельзя город на неделю оставить! – рассердился Удалов. – Совершенно распустились. А не может это оказаться провокацией?

– И чьей же провокацией, коллега?

– Есть враги у свободной России. От Латвии до НАТО.

– И они нам надувных женщин подсовывают?

– Вот именно!

– Говорят, много предметов оттуда привезли. На площади Землепроходцев толкучка образовалась.

– Ты думаешь, что Ксения там не была?

– И Ксения не была, и Ложкин ста долларов свободных не имеет. Тигры и прочие копии хищников и других животных по полсотни идут, девушки подороже... погоди, Удалов, давай я президенту Академии наук позвоню.

– А поможет?

– Вряд ли.

– А если потрянуть стариной?

– Сами разберемся?

– Сами.

Минц совершил было движение к двери, но остановился.

– Нет, – сказал он. – У меня головоломка не догадана.

– Из-за головоломки ты отказываешься от научного расследования?

– Но ведь путешествие в будущее невозможно!

– Тогда я пойду один, – сказал Удалов.

Уже во дворе Удалов услышал сзади тяжелую поступь грузного Минца.

– Не беги так! – окликнул Минц Удалова. – В мои годы приходится быть солидным.

Удалов улыбнулся. Нет, его друг еще не потерял для науки и для человечества. Странная и подозрительная история будет раскрыта.

Они вышли на улицу.

– Куда сначала? – спросил Удалов. – В туристическое агентство?

– Нет, – ответил Минц. – Гуси подождут.

– Какие гуси?

– У агентства, что характерно, английское название, – сказал профессор. – И означает оно – «Золотой гусь». Подозрительно?

– Не знаю, – сказал Удалов.

Они направились на площадь Землепроходцев, где, по словам Ксении, располагалась толкучка товаров из будущего.

Но опоздали.

Площадь была почти пуста, лишь у гостиных рядов таился в прохладной тени мужик с большим полосатым баулом. Перед ним стояли, принимая красивые позы, две девицы – те

самые. У ног лежал крокодил. Несколько мальчишек глазели на крокодила, а пенсионер Пупыкин норовил заглянуть девушкам под туники, чем их веселил.

– Вы из будущего? – спросил Удалов.

– А что, не видно? – обиделся мужик. – Купи женщину. У меня последний автобус уходит.

– Я там куплю, – сказал Удалов. – Завтра отправлюсь и куплю.

– Блондинок там уже не осталось, – уверенно сказал мужик. – Там только брюнетки.

Блондиночек еще вчера разобрали.

– Послушай, сто рублей дам! – взвыл пенсионер Пупыкин.

– Она мне самому в двести обошлась, – отмахнулся мужик. – Бывают же такие скопидомы!

Пупыкин протянул руку к бедру девушки. Та хихикнула, но отодвинулась.

– А крокодилы почему? – спросил Удалов.

– Крокодилов по полсотни баксов отдаю. А вы животными интересуетесь? У меня слон есть, недорого. Если у вас садовый огородный участок, то оказывает большую помощь. Хотите посмотреть?

– Хочу, – сказал Удалов и огляделся – где же мужик прячет слона?

Мужик вытащил из полосатой сумки темный шарик размером с теннисный мяч.

– Посторонись! – велел он зрителям.

Все послушно отшатнулись.

Мужик уронил шарик на землю, возникло дрожание воздуха. Оно сгустилось и посерело. Потом оказалось, что перед ними стоит средних размеров слон, очень грустный, неподвижный, лишь кончик хобота покачивается над упавшей на землю надувной девушкой, которая не успела или не сообразила отскочить.

Пупыкин и Удалов кинулись поднимать девушку, хотя, конечно, опасались слона. Но мужик слона потянул за хобот, и тот легко и послушно отошел в сторону и встал над крокодилом.

– Ну что, берешь слона? – спросил мужик.

– И почему у вас теперь слоны? – спросил Минц.

– Триста рублей, за такие деньги вы теперь курицу не купите.

К ним спешил милиционер.

– Гражданин, гражданин! – укоризненно кричал он. – Ну что же мне с вас, штраф, что ли, брать? Сказано же, что рынок закрыт, а слонов водить не разрешается.

Мужик щелкнул пальцами, слон растворился в воздухе и покатился мячиком под ноги Минца.

– И правда, – сказал мужик. – Последний автобус уйдет, я до своей деревни не поспею.

– Сто двадцать, – сказал Пупыкин. Он вытащил из кармана несколько десятков и тряс ими перед носом у мужика.

– Эх, себе в убыток торгую! – закручинился мужик, но деньги взял и стал пересчитывать, словно это играло роль. А Пупыкин начал метаться между двумя одинаковыми девушками, не зная, какую выбрать.

– Быстрее соображай, пенсионер, – сказал мужик. – Ты левую бери, она постарше.

Мужик засмеялся и щелкнул пальцами. Одна из девушек превратилась в мячик.

– Мою тоже упакуйте, – потребовал Пупыкин. – Я же не могу прийти в мой дом в такой компании.

– Это дело пустяковое. Ты сам учись.

Мужик показал Пупыкину, как щелкать пальцами. Удалов тайком тоже щелкнул и, сам того не желая, превратил в мячик чужого крокодила. Пупыкин побежал прочь, пошатываясь на кривых ножках.

Тогда Минц с Удаловым пошли в бывший Маратовский переулок. И в самом деле, над одной из дверей двухэтажного барака была приколотая картонка с надписью «Голден гууз».

Молодая женщина с невыразительным длинным лицом и ярко нарисованными губами сказала:

– А я уж закрываться хотела. Вы насчет круиза?

– Мы хотели бы побывать в будущем, – сказал профессор Минц. – Согласно объявлению.

Женщина громко вздохнула, опускаясь на стул.

– Паспорта с собой?

– Нет. А можно без паспорта?

– Ну подумайте: пожилой человек, а такую ахинею несет! Вы же отправляетесь за рубеж, за вас обязуются. Вам известно, что в будущее допускаются лишь лица с гуслярской пропиской?

– А из района можно? – спросил Удалов, вспомнив мужика.

– Из района можно. Попрошу явиться завтра к десяти. Паспорт, сто долларов наличными, одеться прилично, но скромно. Вот список товаров, допущенных к вывозу.

Женщина протянула Удалову отпечатанный на машинке лист бумаги.

– А теперь идите, – сказала она. – Мы закрываемся.

* * *

Вернувшись домой, Минц все же позвонил президенту Академии наук.

Президент как раз ехал с совещания и говорил из машины по радиотелефону.

– Толя, – сказал Минц. – Здравствуй, тебя Лев беспокоит.

– Узнаю, узнаю, беспокойное сердце, взволнованный голос! Что тебя сегодня тревожит, старый конь?

– Скажи мне, Толя, только честно, – попросил Минц, – путешествие в будущее возможно?

– Теоретически?

– И практически.

– Вряд ли, – сказал президент Академии, – а что, у тебя уже получилось?

– Значит, ты ничего не знаешь?

– А что я должен знать?

– А то, что у нас в Великом Гусляре туристическая контора организует туры в будущее.

– Смешно, – сказал президент. Но голос у него был серьезный.

– Причем это не просто туры, – сказал Минц. – Это шоп-туры. Понимаешь?

– Теперь уже с трудом, – признался президент.

– Я сегодня наблюдал, какие товары привозят из будущего мои земляки. И это впечатляет.

– Ты меня пугаешь, Лев.

– Толя, неужели в других городах это явление не наблюдается?

– Не только в других городах, но и в других странах. Нигде в мире.

– Провокация?

– Но чья? Кому выгодно отправлять в будущее жителей Великого Гусляра?

– Может быть, нас хотят отравить? – произнес Минц, но тут же сам себе возразил: «Если они нас отравят, то как же они родятся на свет?»

– Что за товары? – спросил президент.

– Станный набор. Надувные женщины...

– С какой целью?

– Может, с эротической.

– Для мастурбации?

– Прости, Толя, но они такие убедительные, что даже разговаривают. Кроме того, в нашем городе появились надувные слоны и тигры.

– Прости, но это какой-то детский сад.

– Индивидуальные средства для полетов под кодовым названием «Малыш Карлсон»...

– Кухонные комбайны, которые картошку в мясо превращают, – подсказал Удалов.

– Кухонные комбайны, – повторил Минц. – И многое другое, о чем мы еще не успели узнать.

– Ясно, – сказал президент. – А что им нужно?

– Молодец, – одобрил вопрос президента Минц. – Нас тут снабдили списком вещей, которые рекомендуется брать с собой в шоп-тур для обменных операций. Погоди, погоди... «Фрукты и овощи свежие, кедровые орешки... ткани хлопчатобумажные и шелковые...» Не вру я! Слушай, не перебивай... «Драгоценные и полудрагоценные камни, янтарь, нефрит, агат...» Хорошо, пойдем дальше: «Книги с иллюстрациями в хорошем состоянии, выпуска до 1945 года, изделия из натурального меха...» Да тут больше ста позиций!

– Любопытно, – заметил президент. – Судя по твоему чтению, практически каждый житель города, независимо от благосостояния, может набрать дома материалов для шоп... для обмена, для бартера! Лев, ты должен будешь сделать для меня лично и для науки одну вещь...

– Мы с моим другом Корнелием Ивановичем Удаловым завтра с утра берем паспорта и отправляемся.

– И сколько стоит путевка?

– Не надо, Толя, я знаю, что на науку у нас дают скудно.

– На науку – скудно, а на разведку – сколько надо. У меня есть один академик во внешней разведке.

– По сто долларов, – сказал Минц.

– Двести долларов перевожу сегодня телеграфом, тебе и товарищу Удалову. Завтра жду от тебя звонка. На всякий случай с утра будем держать в боевой готовности парашютную бригаду.

– Только не это! – взмолился Минц. – Мы не знаем, кого спугнем и во сколько это нам обойдется.

– В зависимости от твоего доклада, Лева, – сказал президент. – Россия не забудет твоего подвига.

– Пока еще я ничего не совершил, – скромно ответил Минц.

Он попрощался с президентом и объяснил Удалову, что был у Толи научным руководителем на кандидатской диссертации. Много лет назад.

Вечером Удалов отведал пищи из кухонного комбайна. На этот раз Ксения набрала на кнопках рагу из зайца под бургундским вином и омаров под майонезом. И все из той же картошки.

Омары Удалову понравились. Наевшись, он взял у Ксении пропеллер, попробовал полетать по квартире, ушиб голову о люстру – к счастью, люстра осталась цела. Удалов упал, но не огорчился. Только сказал:

– К Максимкиному приезду спрячь эту штуку.

Ксения не ответила, но поняла, что Удалов беспокоится, как бы «Малыш Карлсон» не попал в руки внуку, который отдыхал с родителями на острове Кипр.

Удалов долго не засыпал, сидел у окна. По улице брели парочки, возвращались из парка. Удалову казалось, что многие девицы не настоящие, а надувные, но из-за плохого освещения он не был уверен в своих наблюдениях.

Ксения мирно спала – русские женщины быстрее привыкают к необычности судьбы. Ну где бы вы увидели в Европе, чтобы женщина на шестом десятке, купив на толкучке пропеллер, стала бы летать с ним над городом? А у нас это бывает.

Взгляд Удалова упал на хозяйственную сумку, которую Ксения собрала ему в шоп-тур. Когда она узнала, что Удалов отправляется в будущее с государственным заданием и на государственные деньги, как бы в командировку, она обрадовалась и надавала ему поручений, записала их под номерами на бумажке – оказывается, Ксении было отлично известно состояние рынка будущего и знакомы цены. Она еще и не побывала там – и может, не побывает, – но разбиралась в особенностях экономики будущего лучше любого футуролога.

Удалов старался следить за ее инструкциями, но голова была переполнена информацией, и потому он мало что запомнил из поучений жены. Даже бумажку затерял. А Ксения так старалась! Сложила в сумку отрез крепдешина, палехскую шкатулку, хохломские ложки, пепельницу из малахита, янтарные бусы и множество вещей, которые не очень нужны дома, но выбрасывать их нелзя.

Заснул Удалов перед рассветом и во сне высоко летал, погружаясь в облака.

* * *

Минц вышел с портфелем.

– Боюсь, – сказал он, – что у меня никуда не годный бартер.

– Я поделюсь, – пообещал Удалов.

Перед агентством «Голден гууз» былолюдно. Отправляли группу. Вчерашняя женщина проверяла сумки, а нервный кавказец, сидевший в конторе, собирал деньги и шустро прятал их в сейф. На паспорта Минца и Удалова он взглянул мельком, словно они его на самом деле не интересовали.

– На улице ожидай, – говорил каждому кавказец. – На улице ожидай.

Получалось словно песня.

Выходя, они столкнулись с Мишей Стендалем.

Миша Стендаль – сотрудник газеты «Гуслярское знамя», раньше органа горкома, а теперь – владения коллектива редакции из шести человек во главе с товарищем Малюжкиным.

Миша склонился к уху Удалова и громко прошептал:

– Никому ни слова. Я выполняю редакционное задание.

– Слушаюсь, – ответил Удалов.

– Миша! – воскликнул Минц. – А вы что здесь делаете?

– Конспирация! – прошептал Удалов. – Он тоже на задании.

Женщина со скучным лицом появилась рядом, хотела о чем-то спросить, но Минц ее опередил своим вопросом:

– В какой год вы намерены нас отправить?

– В отдаленное будущее! – ответила женщина так, словно ее обидели.

– А год вам неизвестен?

– Говорят, что лет через сто, – сказала женщина. – Точнее меня не информировали. И попрошу на улицу, на построение!

На улице, у дверей в агентство, женщина выстроила всех шоп-туристов. Одиннадцать человек. Два или три лица Удалову были знакомы, не более того.

Женщина прошла вдоль строя.

– Участники шоп-тура, – сообщила она, – должны строго соблюдать правила поведения в чужом обществе. Запрещается вступать в разговоры с жителями будущего, навязывать им свои товары и услуги за пределами вещевого рынка. Любая попытка остаться в будущем или

продлить срок своего тура будет наказываться денежным штрафом в десятикратном размере. Всем ясно?

– Простите, – сказал профессор Минц, вытирая платком вдруг взопревшую лысину, – а в десятикратном размере от чего?

– От максимума, – ответила женщина.

Алый рот ее совершал куда больше движений, чем следовало или было необходимо.

Кавказец выглянул из дверей и сказал:

– Можно запускать, Чикита.

– В какой год нас отправляют? – спросил у него Минц.

– Главное, – ответил кавказец, – живым вернуться, не заблудиться. Будешь слушаться, будешь живой и богатый.

Удалов тем временем смотрел на своих спутников. Семь мужчин, четыре женщины. Женщины все деловые и профессиональные на вид. Это было видно по джинсам и крепким объемистым сумкам. Из мужчин трое были молоды, Миша Стендаль в расцвете сил, а трое, включая Удалова и Минца, приближались к закату жизни.

Больше разглядеть Удалов не успел, они быстро шли по полутемному коридору, кавказец возглавлял шествие, а длиннолицая дама его замыкала. Потом в глаза ударил свет – они оказались в зале, похожем на актовый зал типовой школы. В углу были свалены стулья. Они были покрыты красным ситцем с выцветшими белыми буквами лозунгов.

Посреди зала стоял автобус Павловского завода. Кавказец занял место за рулем, женщина подталкивала, торопила туристов, повторяя, что времени в обрез, если опоздаем, придется возвращаться несолоно...

Обшивку с сидений была сорвана, некоторые сели на пружины, другие на голую фанеру.

– Крепче держитесь, – приказал кавказец.

Женщина с красным ртом прошла к двери в зал, возле которой был выключатель. Она повернула его, и свет в зале погас. Стало почти совсем темно. Автобус взревел и начал покачиваться. Поехал. Иногда его подбрасывало на колдобинах.

Удалов с трудом удерживался на сиденье, так что вглядываться в темноту не было возможности.

Затем стало светло, даже ярко. Оказалось, автобус выехал на залитый солнцем луг. Ласковое солнце катилось по бирюзовому небу. Пели птицы, хотя в августе они у нас молчат.

– Вылезает! – приказал кавказец.

Женщина с длинным лицом ждала их внизу, снаружи. От этого создавалось ощущение какого-то розыгрыша, дурной шутки. Правда, перемену в окружающем пейзаже объяснить было нелегко.

– Скорее, товарищи, скорее, господа! – звала женщина. – Мы теряем драгоценное время.

– Корнелий, запоминай, все запоминай! – прошипел Минц.

– Говорят, американским шпионам выдают кинокамеры размером в горошину, – сказал Миша Стендаль. – Жалко, что я не шпион.

Туристы, волоча сумки, поспешили за женщиной по утоптанной тропинке, которая провела их сквозь кусты и влилась в улицу. Улица была чистой, широкой, дома прятались в зелени. По мостовой неслись машины неизвестной конструкции, по тротуарам шли люди, большей частью в широкополых шляпах, в длинных плащах или халатах.

Удалов рассматривал этих людей, жителей отдаленного будущего, но жители не обращали на него никакого внимания.

Он обратился к встречному жителю будущего и спросил:

– Вы не скажете мне, какой сегодня у нас год?

– Две тысячи ноль девяносто шестой, – ответил житель и прошел, не останавливаясь.

– Запрещено! Запрещено задавать вопросы! – шипела Чикита. – Вы что, хотите, чтобы всю программу нам прикрыли? Вы не представляете, с каким трудом мы на этот контракт вышли! И никто раньше вопросов не задавал. Сказано – не задавать, и не задавали. А вы почему задаете?

– Потому что я любознательный.

– Без пяти минут любознательный? – съязвила Чикита, которой к тому времени удалось оттеснить Минца внутрь группы, и по ее знаку остальные шоп-туристы взяли Минца и Удалова в кольцо, чтобы скрыть от встречных и облегчить экзекуцию.

– Но почему нельзя спрашивать? – вел арьергардный бой Удалов.

– А потому, что сейчас ты про год спрашиваешь, а потом спросишь, чего нельзя.

– А чего нельзя?

– Нельзя узнавать, будет война или не будет, когда ты помрешь и какой смертью... Мы...

– Но вы же сами в проспекте обещали нам могилы показать!

– Там проведена соответствующая подготовка. Там все схвачено. А вот самодеятельности мы не допустим.

– Не допустим, – поддержал Чикиту ее помощник.

Впрочем, и туристы были солидарны с начальством, потому что, конечно же, приехали сюда не из-за места на кладбище, а за товаром.

– И какая вам радость, – сказала уже спокойнее Чикита, чувствуя, что бунт на борту утихает, – какая радость узнать, что помрете через три дня?

– Почему я умру через три дня? – заинтересовался Минц.

– Да не вы, Минц, а обыкновенный без пяти минут человек!

Но Минц тут закручинился и отошел на последнее место в группе, опустив голову, словно услышал смертный приговор. Удалов счел необходимым ободрить его:

– Крепись, друг, наша кукушка еще продолжает куковать, – сказал он.

Постепенно Минц успокоился, и группа восстановила темп движения.

Улица становилась оживленнее и уже. Народу встречалось много, некоторые искоса поглядывали на туристов.

– Впрочем, можно понять, – сказал Минц, и Удалов услышал его. – Мы им надоели. Если путешествие во времени такое обычное дело, что уже проводят шоп-туры, то, значит, местные жители этих туристов видели тысячами!

– Минц, разговорчики! – прикрикнула женщина.

– По-моему, она в охране служила, – сказал Удалов.

Кавказец свернул на узкую грязную улицу. Здесь дома сдвинулись тесно, кое-где через улицу тянулись провода и шнуры. Наполовину надутый слон сидел, прислонившись к стене дома. Перед туристами раскрылась небольшая площадь. Площадь была пуста, на ней стояло множество столиков.

– Можете расхватывать, – сказала женщина. – И раскладывайте свое барахло.

На площади появилось три человека в униформе, вернее всего полиция. Удалову захотелось спрятаться или сдать властям. Но полицейские не обратили на него внимания. Они прошли вдоль столов, глядя, что выкладывают на них туристы. Подобно прочим прохожим, полицейские были одеты в длинные, до земли, плащи, на головах – широкие шляпы конусом, закрывающие не только голову, но и плечи.

Некоторые предметы полицейские брали в руки, разглядывали, проверяли непонятными приборчиками, прикрепленными к их пальцам. С крайнего стола полицейский схватил нечто темное и заявил:

– Конфискуется.

– Как конфискуется? – возмутилась владелица. – Это же в списке было!

– Выдать компенсацию, – сказал полицейский семенившей за ним красногубой женщине.

– Будет сделано, – откликнулась та. Потом погрозила кулаком шумевшей туристке.

Удалов разложил на столике свой товар. Минц смог подложить в общий котел лишь янтарные запонки и банку маринованных грибов.

Когда проверка и раскладка завершились, появились и покупатели.

Покупали в основном мужчины, одетые в различного рода форменные мундиры. Были они деловиты, словно пришли не на базар, а на тактические учения. Впрочем, обнаружилось, что и наши туристы готовы к такому разговору и знают не только набор товаров, которые можно получить, но и их ценность. Так что споров и не возникало.

За шелковый халат с драконами, который Ксения почти не надевала, Удалову сразу предложили надутьную девушку – на выбор.

Удалову стало любопытно. Не то чтобы он хотел получить девицу – вы же представляете, что бы случилось, если бы он привел такую домой, – но все же сама возможность обзавестись юной красавицей была соблазнительна.

– Посмотреть можно? – спросил он.

Покупатель бросил на землю несколько мячиков, из них, как в сказке, выросли три брюнетки, все три полногрудые, с ямочками на щеках, курчавые.

Они одинаково улыбались Удалову.

Одежды на брюнетках почти не было – так, нечто вроде купальников цыганского образца.

Конечно, Удалов хотел получить брюнетку. Он все же был мужчиной. Конечно, он немного завидовал холостяку Пупыкину, который отнес домой мячик и играет теперь им в меру своих сил. Но брюнетку брать нельзя. Ни в коем случае.

Удалов краем глаза уловил усмешку, посетившую лицо его друга, и неожиданно для себя спросил:

– А мужчины у вас есть?

– Такие же? – удивился покупатель.

– О нет! – хором воскликнули брюнетки и полезли к Удалову обниматься. – Мы лучше! – уверяли они. – Не нужны тебе мальчики, наш повелитель.

– Эй! – крикнул покупатель своему знакомому, который торговался возле столика, где держали оборону две гуслярские женщины. – У тебя тринадцатого-бис не найдется?

Тут Удалов увидел, что возле того столика стоит мускулистый спортсмен в одних трусиках. Гуслярка критически осматривает его.

– Нет! – остановил покупателя Удалов. – Это я так, узнать хотел. Мне бы лучше чего-нибудь из животного мира.

– А мы? – спросила брюнетка. Она нежно погладила Удалова по руке.

– Богом прошу, – обратился Удалов к покупателю. – Убери их, а то соблазнюсь.

– Соблазнись.

– Нельзя. Жена убьет. У нас в семье с этим строго.

– Почему строго? – Покупатель так удивился, что в мгновение ока превратил галдящих девиц в черные мячики. И так ловко, что мячики подпрыгнули по очереди точно ему в руки. Рассовывая их по карманам френча, покупатель повторил вопрос: – Почему строго?

– Да потому что ревнует она. Не поверите, шестой десяток разменяла, а все равно ревнует. Ей кажется, что я еще ой-ой-ой!

– А вы не ой-ой-ой? – спросил покупатель.

– Свое в основном отлетал, – признался Удалов.

– Господин! – окликнул покупателя Миша Стендаль. – Вы ко мне не подойдете?

– Сейчас, минутку, – ответил тот. Шелковый халат притягивал его, как магнит. – А удава вы не желаете? Есть крупный удав очень красивой расцветки. Последний экземпляр наблюдается в Лондонском зоопарке.

Удалов не успел ответить, как услышал сверху голос:

– Как там Ксения? Все еще ревнует тебя к каждой березке?

Он поднял голову.

На фоне серого неба, пользуясь пропеллерами системы Карлсона, летали отдельные горожане. Одна из женщин помахала Удалову рукой и тут же пропала за коньком крыши.

Покупатель в форме забыл об удаве. Он вытащил из кармана портативную рацию и начал в нее шептать.

Буквально через четыре секунды над площадью возник полицейский на реактивном стуле. Полицейский принялся барражировать на небольшой высоте.

– Чего вы испугались? – спросил Удалов.

– Да поймите вы, чудак-человек, – задушевно заговорил полицейский. – Нельзя нашим людям с вами общаться. Каждая минута пребывания вас здесь ставит под угрозу нашу цивилизацию. Что, если вы повредитесь или погибнете? Что за судьба ждет тогда ваших нерожденных внуков?

– А кто со мной оттуда разговаривал?

– Наверное, кто-то из правнуков. Мы проверим и примем строгие меры.

И он улетел – видно, принимать меры.

– Возьмем удава? – спросил Удалов.

– А что ты с ним будешь делать?

– Вместо собаки пускай дом охраняет. Тихо. Стремительно.

– Ох, загадит он тебе квартиру, – предупредил Минц.

– Обижаете, – сказал покупатель. – Удав тоже надувной, синтетический. У нас окружающая экология больше не гадит.

Удалов отдал халат, а Минц заодно спросил у покупателя:

– И давно у вас путешественники во времени появились?

– Да уж вторую неделю, – ответил покупатель.

– И раньше не было?

– Раньше возможностей к этому не имелось.

– Тогда странно мне, – заметил Минц, – равнодушие, с которым ваши жители к нам относятся. Словно давно привыкли.

– Это наши проблемы, – отрезал покупатель. Почему-то отвечать на этот вопрос ему не хотелось.

– Не совсем ваши, – возразил Минц. – По сути дела, вы – наши потомки. Не чужие люди.

– Не знаю, не слышал, – отмахнулся покупатель.

– Мне нужен настоящий информант, – сказал Минц шепотом. – Пока что я вижу в этом разговор. Но чей?

– Эй! – окликнул уходящего покупателя Удалов, желая помочь профессору. – Скажите, вас Америка, случайно, не покорила?

– Это еще почему? – удивился покупатель.

– Ну, может быть, покорила вас Америка и теперь через вас хочет нас покорить.

– И что же она будет тогда с вами делать? – отозвался другой покупатель, пожилой, с заостренной бородкой и в черных очках.

– Угнетать, – сказал Удалов. – Высасывать соки.

– А что, дома этим заняться некому? – спросил старик.

– Дома желающие есть, – согласился Удалов. – Но мы к ним привыкли.

Старик предложил Удалову купить у него конусообразную шляпу. Сказал, что очень помогает от озоновых дыр. Удалов сказал, что в Великом Гусляре дыр пока не замечено.

– Не сегодня-завтра, – пообещал старик. Ему хотелось приобрести у Корнелия палехскую шкатулку, и потому он отдал ему очередной мячик. На этот раз мячик превращался в палатку с надувным матрасом и подушкой. Идеальное средство отдохнуть на рыбалке.

Тем временем центр событий переместился к Мише Стендалю. А так как его столик стоял совсем рядом, то Удалов был в курсе дел.

Миша принес с собой бочонок меда, но отдавать его дешево не намеревался. Уже несколько человек подходили к нему, предлагали животных, технику и девушек, но Миша сказал, что ему требуется флаер, то есть летательный аппарат из фантастического фильма.

К его меду приценивались разные люди, но флаера они предложить не могли, может, и не было у них флаеров. И тут к Мише подошла пожилая женщина, скромно одетая, без шляпы. Она сказала, что мед ей нужен как лекарство, но флаера у нее отродясь не было, единственное, чем она может пожертвовать, это своей служанкой. Она вынула из сумочки очередной мячик, и тот, стукнувшись о мостовую, превратился в скромного вида девушку. Она была не столь красива и длиннонога, как те близняшки, что уже шастали по Великому Гусляру, но ее тихое очарование не осталось незамеченным Удаловым.

– Вот это совсем другое дело, – сказал Удалов. – Таковую и я бы взял... в служанки.

– Ты что несешь! – возмутился Минц. – Ты подумал о реакции твоей семьи?

Миша хлопал голубыми глазами. Снял очки, протер их. Девушка глядела на него робко и преданно.

– Боюсь, что он провалит редакционное задание, – сказал Минц.

– Интересно, а каким оно было? Неужели он обещал Малюжину самолет привезти?

Пожилая женщина, которая намеревалась расстаться со служанкой, была сообразительна. Она перехватила взгляды Стендаля.

– Конечно, – сказала она, – Галочка мне все равно как дочка. Я только пошутила, что с ней расстаюсь.

– Я готов отдать вам мед! – воскликнул Миша.

– Вашего меда не хватит на один ноготок Галочки, – произнесла подлая старуха.

И не успел Стендаль возразить, как старуха жестко и решительно щелкнула пальцами, Галочка ахнула и превратилась в мячик. Стендаль ринулся было за мячиком, но мячик отпрыгнул от него и покатился в руки к владелице.

– Но может быть, вы возьмете что-нибудь еще? – спросил Стендаль.

– Ах, что мне у тебя взять, молодой человек? – спросила старуха. – Нечем тебе меня соблазнить.

– Но у меня есть оренбургский платок из чистой шерсти, можете его в обручальное кольцо продеть.

– Не поняла, – сказала старуха. – Где вы увидели на мне кольцо?

– А вот моржовый клык с вырезанным на нем узором охоты на полярных медведей в исполнении неизвестного чукотского мастера.

– Ах, оставьте! – И старуха пошла прочь.

– Погодите!

Тут в дело вмешался Минц. Он широко шагнул и схватил Стендаля за рукав.

– Миша, – сказал он, – эта женщина более тебя заинтересована в сделке. Не спеши и не суешься.

– А если она уйдет домой? – Миша весь дрожал и был бледен.

– Потерпи. Она вернется, если ты не будешь за ней носиться.

Старуха дошла до конца рынка, притормозила и посмотрела на Мишу через плечо. Миша тянулся к ней, но Минц держал его крепко.

Старуха остановилась, словно в нерешительности. Тут появился один из милиционеров, только переодетый в штатское. Удалов узнал его по родинке на правой ноздре. Переодетый милиционер сказал Стендалю:

– Могу помочь.

– Сколько? – спросил Минц, не отпуская Стендаля.

- Моржовый клык, – ответил милиционер. – Собираю моржовые клыки.
- Согласен! – воскликнул Стендаль раньше, чем профессор успел его остановить.
- Эй, госпожа Аникина! – воскликнул милиционер. – Пожалуйте назад.

Старуха резко подбежала к Стендалю и, словно все было оговорено заранее, схватила бочонок с медом, кинула в Стендаля мячиком, а милиционер унес моржовый клык, расписанный охотничьими сценами из жизни чукчей.

– Ну что ж, давай возвращай красотку к жизни, – сказал Удалов, видя, как робеет, внутренне дрожит Миша Стендаль. – Пальцами сможешь щелкнуть?

С другой стороны, где за столиком стоял человек с лицом отставного полковника ДОСААФ, донесся хриплый голос:

– Если бы не возраст, сам бы женился и всем посоветовал. Это же надо жену иметь, которую можно двумя пальцами на полку отправить, а когда соскучился или проголодался, так же вернуть.

– Это неэтично, – отозвалась женщина, стоявшая через стол, – мы вам не мячики, чтобы в кармане носить.

– Так то ж игрушка надувная! – откликнулся молодой парень, бритый, в черной майке. – А нам, русским людям, подавай женщину мясную, плотную, энергичную.

В этой дискуссии никто не заметил, как Стендаль щелкнул пальцами и служанка Галочка материализовалась рядом с ним. Не только материализовалась, но вступила в разговор, так как явно отличалась умом и сообразительностью, не то что девицы для утех, которых привезли в Гусляр раньше.

Она быстро освоилась и подошла к профессору Минцу.

– Мне приятно познакомиться с моими будущими современниками, – звучным глубоким голосом произнесла она. – И вы, в частности, производите на меня благоприятное впечатление. Мне хотелось бы сблизиться с вами на интеллектуальной почве. Я надеюсь многое у вас почерпнуть.

Стендаль сначала побледнел от ревности, потом покраснел от стыда.

– Ты ее недооцениваешь, – прошептал ему Удалов. – Можно сказать, что тебе наконец повезло.

У девушки оказался замечательный слух.

– Я согласна с вами, уважаемый...

– Корнелий Иванович.

– Вот именно! Корнелий Иванович! Мне хочется надеяться, что моему потенциальному возлюбленному и даже, не боюсь этого слова, супругу, со мной повезло. Но я должна предупредить заранее – других жен я в доме не потерплю. Даром что меня считают надувной.

Эта тирада одних заставила улыбнуться, других рассердила.

– Вот именно, что надувная! – воскликнула одна из шоп-туристок. – Надувают нашего брата почему зря. Потом захватят у нас власть и будут помыкать. Смотреть на них противно!

Торговка сплюнула, но надувная девушка не обиделась, а возразила ей:

– Скажите, пожалуйста, чем я хуже вас? Или очи мои не сияют, словно звезды? Или груди мои не округлы и упруги, словно антоновские яблоки? Или бедра мои не столь круты, как хотелось бы моему возлюбленному? Или лоно мое не привлекает взоров? Или ноги мои не прямые, как у скаковой лошади?

Торговка была толстой, корявой, неухоженной женщиной, и потому она сразу обиделась.

– Кукла надувная, за десять копеек! – возопила она. – Вы только поглядите, люди добрые, кто на меня нападает! Кто меня, мать двоих детей, оскорбляет при людях! Ты хоть знаешь, что такое ребенок?

– Если мой будущий муж или возлюбленный захочет, – скромно возразила Галочка, – я немедленно рожу ему богатыря.

– Синтетического! – догадалась торговка. – Пластмассового!

Галочка отвернулась от противницы и положила руку на плечо Мише.

– Миша, не слушай наветов. В нашем времени все равны. Неважно, как человек произошел на свет, главное, чтобы он был хорошим человеком и достойным членом общества. Ты меня понимаешь?

– Еще как понимаю, – ответил Миша.

Галочка потянулась к щеке Миши и ласково, нежно поцеловала его.

Миша даже побледнел от счастья.

– И если ты хочешь, – прошептала надувная девушка так громко, что слышал весь рынок, – то пойдем со мной в трехзвездочный отель «Гусь», потому что я страстно мечтаю тебя любить и ласкать!

Девушка часто дышала...

Миша позволил увести себя. Минц пытался было окликнуть его, но Удалов сказал:

– Пускай идет. Его счастье или его беда... Он взрослый. Вышел из комсомольского возраста.

Торговка громко издевалась и хохотала вслед возлюбленным. В конце концов к ней подошел местный милиционер и предупредил о правилах поведения в общественных местах. Торговка замолчала.

– Она свое дома возьмет, – сказал Удалов.

Местный народ лениво заходил на рынок, лениво бродил от столика к столику, кое-что брали. Милиционеры – те, что сначала приходили, – теперь уже все переоделись в штатское. Ходили, как покупатели, как бы направляли действие, помогали вести ченч, то есть обмен.

Удалов выменял себе зонтик, который становился меньше грецкого ореха, у Минца хорошо ушел однотомник Белинского издания начала века с золотым тиснением по переплету. Стендаль не возвращался, – интересно, куда его повела надувная кукла?

Минц старался заговорить с покупателями и зеваками из будущего, но люди отвечали ему односложно, словно побаивались гостя. Но тем не менее даже такие скудные ответы представляли интерес.

– Скажите, пожалуйста, какой у вас общественный строй? – слышал Удалов голос профессора.

– Свободный, – отвечал один покупатель.

– Демократический, – отвечал второй.

– Меня он устраивает.

– Сколько было мировых войн? – спрашивал Минц.

– На провокационные вопросы не отвечаем, – говорил покупатель.

День приближался к обеду.

Бритый молодой парень из шоп-группы долго выбирал себе подругу, наконец ему понравилась губастая, глазастая, рыжая, курчавая, она его возбудила. Он даже не стал доторговывать, а понес купленный мячик в гостиницу.

Без пяти два на площади появился полицейский командир. За ним двигалась повозка, нагруженная разного цвета и размера мячиками и шариками.

За повозкой шествовали вереницей полицейские, переодетые покупателями. Командир загребал с повозки несколько мячиков, вываливал их на стол продавцу, в обмен безмолвно забирал привезенный товар. Все молчали. Во-первых, с местной полицией не спорят, это закон шоп-туриста, во-вторых, каждый понимал, что любой обмен в пользу гостей. Десять мячиков – это десять солидных предметов из далекого будущего. Каждый можно толкнуть в Вологде долларов за двести как минимум. Поездка окупилась.

Вываливая на столик мячики, командир говорил каждому продавцу одинаково:

– Благодарю за визит. Попрошу в гостиницу, где вас ждет вкусный обед с прохладительными напитками.

Туристы потянулись к автобусу. Они оживленно беседовали и сговаривались в гостинице обменяться товарами, если кому чего не подходит.

Дама с красным ртом уже ждала в автобусе.

– После обеда полчаса личного времени, – сообщила она, – затем экскурсия на кладбище. Для желающих.

– Зачем? – не понял Минц.

– Посмотреть на свое захоронение и захоронения ближайших родственников и соседей.

Удалов закручинился. Ему не хотелось смотреть на свою могилу, но отказаться от визита он не посмел.

– У нас не хватает одного молодого человека, – сказал Минц. – Но вернее всего, он ушел в гостиницу поиграть с мячиком.

– Ничего с ним не случится, – равнодушно ответила дама. – Здесь нет преступности.

Обед оказался сытным, но скучным, недосоленным и пресным. Прохладительные напитки были чуть теплыми, чай – просто теплым.

Потом они поднялись в двойной номер. Удалов вывалил мячики и шарики на кровать.

– Может, не стоит их сейчас оживлять? – спросил Минц. – Если тебе достался слон, то получится трагедия.

– Но на удава я могу полюбоваться? – спросил Удалов.

– Любишься, – согласился Минц. – Только осторожно.

Удалов стал рассматривать шарики в надежде угадать, какой из них содержит в сложенном виде удава. Даже легонько мял их руками. Шарики были тяжелыми, словно сделанными из каучука. Один прохладнее прочих. Может, в нем змея?

Под дверь в комнату вполз листочек бумаги.

– Смотри, – сказал Корнелий. – Выходят на связь. Может, это Миша Стендаль просит помощи?

– Осторожнее, – предупредил Минц. – Мы в чужой стране.

– В своей, – возразил Удалов. – Но изменившейся.

– И мы знаем о ней не больше, чем о Бангладеш, – сказал Минц.

– Прочтем? – Удалов сделал шаг к листку бумаги.

– Давай, – согласился Минц. – Читай вслух.

Сам отошел к окну и стал выглядывать наружу – но что увидишь с шестого этажа, кроме зеленого парка и пролетающих над землей средств передвижения неясного вида?

Удалов подобрал листок.

– «Могу поговорить за умеренное вознаграждение, – прочел он вслух, – расскажу тайны. Если согласны, то на кладбище у могилы Корнелия Удалова буду стоять за деревом. Доброжелатель».

– Ох не нравится мне это, – сказал Удалов, в сердцах отбрасывая листок, который полетел над кроватью и приземлился в руки Минцу. – И на кладбище я идти не хотел. Какого черта мне смотреть на свою могилу? Мазохизм это какой-то! Ну кто в наши дни смотрит на свои могилы?

– А я пойду, – сказал Минц. – Я думал убежать от них, пройти по улицам, заглянуть тайком в библиотеку. Для этого и шляпу выменял. Чтобы от них не отличаться. Но боюсь, что моя акция была обречена на провал, так как мы буквально окружены их агентами и переодетыми полицейскими. Теперь же у меня проявился просвет. Что у тебя осталось из ценных вещей?

– Янтарное ожерелье, – сказал Удалов. – Я его спрятал.

– А у меня... – Минц залез двумя пальцами в верхний карман пиджака. – Где же мамино колечко? Ага, здесь! И царская десятка! Думаю, за этот ченч мы с тобой узнаем все, что нужно.

– Иди без меня, – упрямылся Удалов. – Мне еще пожить хочется.

Но конечно же, Минц его уговорил. В каждом человеке таится любопытство перед лицом собственной смерти. Скажите мне: «Хочешь ли узнать, какого числа и какого года ты помрешь?» – я закричу: «Ни в коем случае! Подарите мне неизвестность!» А тебе скажут: «А подглядеть хочешь?» Ты ничего не ответишь, но, внутренне содрогаясь, пойдешь и станешь подглядывать в скважину.

Удалов сказал себе, что только дойдет до кладбища, погуляет там, посмотрит на могилы соседей – может, даже им поклонится... хоть и это не очень красиво. Живут твои соседи, зла против тебя не таят, а ты цветок несешь к ним на могилу...

Вошел кавказский человек из агентства и велел выходить на экскурсию. Удалов положил в карман мячик с предполагаемым удавом и спустился вниз.

Остальные тоже стояли у автобуса, были они настроены мрачно, бледны и смущены неправильностью своего поведения перед лицом вечности. А когда подошла дама с длинным лицом, неся девять букетиков из искусственных цветов, и раздала их, все брали букетики с благодарностью.

– А где Стендаль? – спросил Удалов. – С ним все в порядке?

– А что может быть не в порядке с молодым человеком, который купается в море любви? – искренне ответила женщина.

– А когда выкупается? – спросил Минц.

– Присоединится к группе.

Залезли в автобус.

Минц велел внимательно смотреть по сторонам, чтобы доложить Академии наук, но Удалов все забывал, потому что мысли возвращались к скорой встрече с собственной кончиной.

Дорога на кладбище вела через городские окраины. Они были различными. Кое-где сохранились старые гусярские дома, ведь сто лет для хорошего дома – срок небольшой. Кое-где поднимались дома новые. Как ни странно, они производили впечатление запущенности и заброшенности. И народу было немного, и дети не шалили на детских площадках. Может быть, подумал Удалов, эти люди отвезли с утра малышей по детским садикам, а сами углубились в созидательный труд?

Большую лужайку подстригала машина. За то время, пока проезжали мимо, Удалов успел полюбоваться, как она ровно стрижет траву, складывает сено в кубики, а кубики завязывает в пластиковые пакеты. Только Удалов хотел похвалить машину, как заметил, что на следующем газоне стоит такая же машина, сломанная. Сломанная, потому что из ее выходного отверстия до половины высунулся куб сена, но так и не вышел до конца. Словно не состоялись роды. Сено пожелтело, как пожелтели и кубы сена, разбросанные по газону. Некому было их собирать.

– «Только не сжата полоска одна», – сообщил Удалов.

– По моим наблюдениям, – сказал Лев Христофорович, – наш с тобой, можно сказать, родной городок значительно вырос за последние сто лет, но затем пришел в упадок.

– Вы тоже так думаете?

– Посмотри на дорожки. Трава между плит. Посмотри на стены домов. Когда их красили в последний раз? Посмотри на детскую площадку – она заросла крапивой. Сомнений нет – эта цивилизация переживает упадок.

– Но как же тогда их достижения? – спросил Удалов.

– Достижения... А ты уверен, что это достижения современные, а не успехи вчерашнего дня?

Удалов не был уверен.

Автобус остановился у ворот кладбища. Ворота были приоткрыты. Туристам велели слезать и расписаться в книжечке кавказца, что каждый должен фирме «Голден гууз» десять долларов либо в рублевом эквиваленте за посещение кладбища и ознакомление с родными могилами.

Расписывались без спора, и каждый думал: «Черта с два я тебе отдам эти деньги, грабитель проклятый!»

У ворот стоял сторож в черном фраке и конической шляпе.

– Из какого периода прибыли? – спросил он, блеснув глазом из-под шляпы.

– Разве не видишь? – озлобилась женщина с красными губами. – Плановая группа.

– Сейчас проверим.

– А разве не всем сюда можно ходить? – спросил Удалов.

По дорожке навстречу шла местная семья, все в шляпах, очках, с лопаточками и граблями. Сразу понятно, что совершали уход за могилой.

– Туристы из прошлого только в организованном порядке, – ответил сторож. Он отыскал в черной потрепанной книге группу из Великого Гусляра образца августа 1996 года. Но что удивило Удалова – отыскал ее не в конце, а где-то в недрах книги. И до, и после списка шли другие фамилии, другие группы. Можно подумать, что записали гуслярцев весьма заранее. Минц тоже обратил на это внимание.

– Возможно, всё предопределено, – сказал он тихо, – только мы с тобой остаемся лопухами.

Столь крепкое словцо для Минца – исключение. Но он тоже оказался взволнован, и если бы...

– Если бы не информант, – произнес он грустно, – никогда бы на кладбище не поперся.

Эти слова примирили с ним Удалова.

Первой шла женщина с красными губами. Она повторяла:

– Участок тридцать четыре и далее до тридцать восьмого, второй поворот налево, а оттуда направо до большой аллеи.

К счастью, день был приятным, не жарким, солнце катилось к закату, золотые косые лучи резали листву и замирали на верхушках крестов. Сначала кладбище показалось Удалову незнакомым – а оказывается, это ихнее, родное городское кладбище, только безумно разросшееся за последние сто лет.

Через двадцать минут они перешли к погребениям начала двадцать первого века.

Здесь деревья были выше, и стояли они гуще.

В целом там царило запустение, словно некому было заходить сюда с цветами или просто посидеть.

Сначала шли могилки незнакомых людей, потом вдруг... – как удар молнии!

Небольшая плита, каменная, серая – видно, из гранита. На ней надпись:

«Удалов Максим Корнелиевич».

А чуть дальше – как взгляд метнулся! – словно за грибами пошел Удалов – чуть дальше две могилы рядом:

«Удалова Ксения Сергеевна»...

«Ложкин Николай Иванович»...

«Нет, тут я должен быть!»

А неподалеку кто-то завопил как резаный – это был отставной полковник ДОСААФ.

– Брат мой! – кричал он. – Братишка Василий! На кого ты меня оставил!

Этот крик заставил Удалова отрезветь и прийти в себя.

«Ничего особенного, – сказал он себе. – Ксения на самом деле жива, и я к ней вернусь...

Но где же место моего погребения? Что случилось со мной?»

– Простите, – Минц обратился к сторожу. – Вы не посмотрите в своем списке, есть ли здесь моя могила? Меня зовут Минцем, профессор Минц, Лев Христофорович.

– Не может быть! – откликнулся сторож. – Неужели мне довелось лично лицезреть нашего знаменитого земляка? Разрешите пожать вашу руку!

Сторож снял коническую шляпу и склонился к руке Минца. Тот смутился, руку вырвал, чтобы старик не смог ее поцеловать.

– Ну что вы, – сказал он, багровея, – я обыкновенный естествоиспытатель. Не более выдающийся, чем Павлов или Менделеев...

На звук его голоса остальные туристы оборачивались, даже забывали о своих могилах.

– О нет! Выше берите, выше, вы наш Фарадей! – громыхал сторож.

– Нет, только не Фарадей! – Почему-то сравнение смутило и даже потрясло Льва Христовича. – Я только хотел узнать, где я похоронен?

– В Пантеоне. Разумеется, в Пантеоне Свободной Земли! – сообщил сторож. – Не здесь же, на этом заброшенном провинциальном кладбище...

– А я? – спросил Удалов.

– А вы, простите, кто будете?

– Удалов Корнелий Иванович.

Сторож принялся водить пальцем по странице, перевернул... И Удалов вдруг вспыхнул странной тщеславной надеждой: сейчас сторож сообщит, что захоронения Корнелия Удалова на этом кладбище не наблюдается, а похоронен он в Галактическом центре в районе звезды Сириус как ведущий во Вселенной специалист по межпланетным отношениям... А разве не так? Разве он не положил жизнь ради дружбы разных цивилизаций?

– Есть Удалов Корнелий Иванович, – обрадовался сторож. – Вон там, за кустами должен пребывать.

Удалов огорчился. Не с чего было огорчаться, а огорчился.

Прошел за куст и увидел свою могилу.

– А когда я умер? – спросил он.

– Ну как вам не стыдно об этом спрашивать? – обиделся сторож. – Мы же все даты заклеили, как только узнали, что путешествие во времени к нам открыто. Неужели мы имеем право выступать в роли Господа Бога?

И тут Удалов понял, что сторож не лжет – под фамилией была наклейка, замазанная под цвет плиты.

Тут, видно, не выдержали нервы у полковника. Он тоже догадался, что самую жгучую тайну от него скрывают, – потому рванулся к своему скромному, с красной звездой над профилем, черно-мраморному памятнику и стал сдирать ногтями наклейку. Но начал не с той стороны – слева. Из-за этого показались цифры даты его рождения, а узнать о смерти турист не успел. Из-за кустов выскочили два милиционера. Видно, ожидали подобного инцидента, поэтому и затаились. Полковнику заломили руки назад и потащили – не грубо, но уверенно – к выходу. Полковник почти не сопротивлялся. Как военный человек он догадался, что бой проигран, но не проиграна кампания.

Остальные стояли и глядели на сражение.

Минц прошептал Удалову:

– Пошли посмотрим дальше.

И они согласно шагнули в кусты.

Их не сразу хватились – сначала надо было утихомирить полковника.

Минц с Удаловым сначала быстро шли по тропинке, потом Минц углядел проход в кустах за старым монументом, с детства знакомым Удалову, только сильно одряхлевшим, который принадлежал жене купца Якимова. Собственный же монумент Якимова был снесен еще в тридцатые годы XX века.

– Ты думаешь, он нас найдет? – спросил Удалов.

– Он должен за нами наблюдать.

– Я и наблюдаю, – сказал кладбищенский сторож. Как-то он успел их обогнать и спрятаться за кустом. – Времени у нас в обрез. Показывайте, что можете предложить.

Минц и Удалов показали остатки сокровищ.

– Мало, – сказал сторож. – Пиджаки тоже отдадите.

– Если ваш рассказ нас заинтересует, – сказал Минц.

– А как же не заинтересовать? – удивился старый сторож. – Я вам готов тайну выдать.

Я же головой рискую.

Они присели за памятником, так чтобы их не видно было с дорожки.

Сторож рассматривал трофеи, но отвечал охотно. Хотя неизвестно, насколько правдиво и насколько исчерпывающе.

Первый вопрос Минца прозвучал для Удалова странно:

– Когда появились путешествия во времени, кто их устроил и кому они нужны?

– Путешествие во времени существует только в городе Великий Гусляр, – ответил сторож. – Начались путешествия на той неделе, и не сегодня-завтра их прикроют. А устроили их наши городские власти.

– Почему? Почему их прикроют?

– Потому что путешествия во времени категорически запрещены, и если бы не крайняя нужда, наш город никогда бы не пошел на нарушение вселенского запрета.

– Но путешествовать в будущее нельзя! – повысил голос Минц.

Сторож прижал палец к губам и ответил шепотом:

– А кто сказал, что это путешествие в будущее?

– Я. Потому что еще вчера я жил за сто лет до вас.

– Чепуха. Эти путешествия организованы нами, проводятся нами, значит, они – путешествия из будущего в прошлое, что, как известно, и теоретически, и практически возможно и даже широко практиковалось в городе Великий Гусляр.

– Значит, они только для нас – путешествия в будущее? – повторил Минц. – Славно придумано.

– Так и доложите своему другу президенту Академии наук, – заметил сторож, чуть усмехаясь.

– А это вы откуда знаете?

– Из библиотеки, – смиренно ответил кладбищенский сторож. – Из вашей желтой и продажной прессы. Со страниц ваших газет, сообщивших о якобы имевших место в Великом Гусляре контактах с будущим. Но учтите, что вы будете разоблачены и поставлены на место.

– В это я верю, – сказал Минц. – Так зачем вам нужны путешествия во времени? Зачем было устраивать эти так называемые шоп-туры?

– Для торговли, – коротко ответил сторож, и Удалов понял, что на этот вопрос он почему-то не желает отвечать. Тогда он сам спросил:

– Расскажите, какой у вас общественный строй.

– Нормальный, – сказал старый сторож.

– И в самом деле свобода?

– Своего рода демократия.

– Почему своего рода? – уцепился за сторожа Минц.

– Потому что живем мы небогато, ресурсы, разграбленные вами и вашими детьми, восстанавливаются с трудом, а кое в чем и не восстанавливаются.

– А с нашей помощью вы хотите восстановить?

– Можно и так сказать.

– А эти... агентство «Голден гууз»? – спросил Удалов.

– За деньги на вашей Земле можно сделать многое. Это самое обычное агентство, оно получает процент и честно исполняет свои обязанности.

– И их не удивляет, что они возят людей в будущее?

– Они неплохо работают, – сказал сторож. – Мы ими довольны.

Тут вмешался Минц. Он молчал – видно, формулировал очередной серьезный вопрос, так что сторож, который чувствовал угрозу со стороны лысого толстяка и совершенно не опасался Удалова, сразу насторожился.

– Но можно ли отправиться в более отдаленное будущее? – спросил Лев Христофорович. – Допустим, через двести, триста лет... Ведь там тоже могут потребоваться наши товары?

– Нет, – сказал сторож. – Все наши попытки заглянуть в будущее были прерваны. Там стена.

– Значит, только к вам, в Великий Гусляр, и только сегодня...

– Кстати, – улыбнулся кладбищенский сторож. – Это тоже будет небезынтересно узнать господину президенту Академии наук и всему военно-промышленному комплексу, который, Лев Христофорович, после вашего необдуманного звонка в Москву уже сутки стоит на ушах и не знает – то ли ждать третьей мировой войны, то ли всеобщего и полного разоружения.

– Но этого не будет?

– Ни того, ни другого.

Удалов старался не слышать приближавшиеся с разных сторон крики и шуршание в кустах. Видно, их хватились и искали.

– Минц, – сказал он профессору, – задавай последний вопрос и будем сдаваться – нас уже почти настигли.

– Что вам от нас нужно? – спросил профессор. Он так смотрел на сторожа, словно хотел загипнотизировать его. Но тот укрывся от Минца под своей конической шляпой.

– Ответить я вам не смогу, – сказал он. – Это равносильно выдаче государственной тайны, но вы догадаетесь обо всем через два дня.

– Но намекнете?

– Пиджак отдадите?

Минц начал снимать пиджак.

– Поторапливайтесь, – сказал сторож, – я их нюхом чую! Мои же сотрудники.

Сторож подхватил пиджак, спрятал его под плащ и сказал:

– Отгадку ищите в моей конической шляпе.

И он разразился дьявольским хохотом.

На хохот из кустов выпрыгнули милиционеры, но при виде сторожа вытянулись во фронт и первый из них сказал:

– Простите, господин генерал-майор, но мы искали шоп-туристов из прошлого.

– Ничего страшного, – с доброй улыбкой ответил генерал-майор, он же кладбищенский сторож, – получайте моих милых гостей, пускай отдыхают и возвращаются к себе домой. Удовлетворенными и обеспеченными всем необходимым. Как вы видите, друзья, мы, к сожалению, не смогли сохранить те дары природы, которые были истрачены, погублены или проиграны вами, но в имитации природы мы достигли больших высот. Все у нас имеется в копиях. Практически все. Иначе бы не выжить...

Сторож грустно засмеялся, и милиционеры вторили ему.

* * *

С кладбища заехали в гостиницу, за молодыми людьми.

Те вышли усталые, но довольные, как туристы после похода. Их спутницы – рыжая хохотушка у лысого бритого парня и очаровательная скромница у Миши Стендаля – шли рядом и на полшага сзади, как стреноженные и усмирненные кобылки.

Остальные туристы встретили их шутками, но шутки были не злыми, потому что все были удовлетворены путешествием.

Автобус провожали сторож, переодевшийся в форму генерала милиции, и несколько покупателей в штатском, в том числе бабушка, расставшаяся со своей служанкой Галочкой.

Кавказец сидел за рулем, женщина с алым ртом уселась на свободное место рядом с Удаловым. Тот решил, что и от нее можно узнать чего-нибудь полезное. Для себя и для Академии наук.

– Устали? – спросил он сочувственно.

– Сегодня день был спокойный, – ответила женщина, – без скандала.

– И вас устраивает этот договор?

– С местными властями? Конечно, устраивает, тем более что мы не отчитываемся налоговому управлению.

Удалов смотрел на Стендаля и Галочку. Нежно обнявшись, они сидели по ту сторону прохода. Стендаль учил Галочку петь песню о желтой подводной лодке. Галочка во всем слушалась его. Как грустно сознавать, подумал Удалов, что она – всего-навсего надувная копия человека... И Мише никогда на ней не жениться.

– И надолго у вас контракт? – спросил Удалов у женщины из агентства «Голден гууз».

– Кончается, – призналась женщина. – А жалко. Я сама бы кое-что себе приобрела, но с вами разве успеешь? Как глупо на кладбище ездить...

– Это не вы придумали?

– Это ихний генерал придумал, который сторожем на кладбище служит. Ну тот, с которым вы в кустах шептались. Я думаю, что он нарочно эту экскурсию провел, чтобы с вами пошептаться.

– А вы раньше на кладбище были?

– Вчера. Осваивали площадку.

Удалов вздохнул. Не хотел спрашивать, но язык сам спросил:

– Вы случайно не заметили, в каком году я умру?

– Там уже вчера все было заклеено, – ответила женщина.

– Разумеется, – согласился Удалов.

Все было неправильно. И сторож в чине генерала, и тайные беседы под сенью памятника Якимовой от неутешных детей, и выдача товаров перед обедом – словно кто-то хотел сказать: «Ну, поторговали, а теперь сворачивайте свои игрушки, берите что дают и отправляйтесь домой».

Минц, сидевший сзади, вздохнул так тяжело, что звук донесся до Удалова.

– Тоже так думаешь? – спросил Удалов, обернувшись.

– Как и ты, – сказал Минц.

– И что скажешь президенту?

– Посоветую не вмешиваться, – ответил Минц. – Чувствую, что нам их не достать.

– А что он про шляпу говорил?

– Его слова требуют внимательного анализа, – ответил Минц.

Полковник запел песню «Все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших птиц».

Песня была бравая, военная, может, даже довоенная.

Некоторые стали подпевать. Кавказец, который сидел за рулем, тоже стал подпевать.

Сошли у агентства. Было уже темно.

* * *

Удалова охватила тревога.

Нечто чужое, как при инопланетном вторжении, присутствовало в воздухе Великого Гусляра. Пошатывались тени за заборами и кустами, пробежала собака служебной масти, далеко-далеко послышался шум танкового мотора... Когда Удалов с Минцем отошли от агентства

шагов на пятьдесят и распрощались на углу с полковником и бритым парнем, который увлекал к своему ложу рыженькую девицу, в щели штакетника блеснул фонарь, уперся лучом в лицо Удалова, затем переметнулся к Минцу.

– Сдаемся, – сказал Удалов. – Конечно же, сдаемся, желательно получить пощаду.

– Получите, – засмеялся президент Академии наук, выходя из-за фонарного столба. Он был в маскхалате, на голове фуражка с государственным гербом. – Как дела, орлы? А то нас тут комары закусали.

– У вас машина есть? – спросил Минц.

Из кустов и из-за забора послышался смех. Возможно, давно уже президенту Академии наук не задавали такого нетактичного вопроса.

– Подожди здесь, сейчас мы закончим операцию, – сказал президент.

– Зачем, Толя? – спросил Минц. – Мы же все выяснили.

– Мне хотелось бы сначала изолировать всех, кто там побывал, а особенно организаторов.

– Организаторы ничего не знают, – ответил Минц. – Работали на проценте. Туристы тем более не виноваты.

– Надо изъять товары, – просто сказал президент.

– Погоди до завтра, Толя, – попросил Минц.

– Но они их пустят...

– Не пустят. Поверь мне, ничего не пустят. Все не так, как ты себе представляешь.

– Ты можешь ошибаться, Лева, а мне уже три раза из Минобороны звонили, из аппарата президента, спать не дают.

В кустах послышался прерывистый звонок.

– Вот видишь, – сказал президент. – Опять волнуются.

– Если ты веришь в мою гениальность, – скромно сказал Минц, – то придется тебе отозвать омовцев. Пускай отдыхают.

Президент заскрипел зубами.

Потом сказал:

– Выходите, молодцы.

Из разных щелей и укрытий выскочили молодцы в бронежилетах и черных чулках на рожах.

Из-за церкви Параскевы Пятницы выехал бронетранспортер, в который попрыгали черные чулки, а президент Академии наук пригласил Минца в джип «Чероки», который выскочил из недавно выкопанного блиндажа.

– Мы вдвоем с товарищем, – решительно сказал Минц.

– Товарищ погуляет, – ответил президент. – Есть вопросы, которые я не имею права обсуждать даже с лучшими твоими товарищами.

Минц успел перегнуться, высунуться из дверцы и крикнуть Удалову:

– Побеседуй с Мишей Стендалем. Это обязательно! Не упusti Мишу Стендаля.

Удалову хотелось домой. Он устал путешествовать на туристическом автобусе, стоять на базаре и глядеть на собственную могилу с заклеенной датой. Он хотел домой, хотел присесть посреди двора и посмотреть, что в тех мячиках и шариках, которые ему подсунула тамошняя полиция.

Но Удалов не стал возражать. Ведь Минц просит. Да еще так сильно просит, значит, беседа с Мишей Стендалем может открыть глаза на какие-то важные тайны, о которых Удалов по простоте своей не додумался.

Так что Удалов с тоской поглядел вслед красным огонькам джипа и стал ждать.

И ждать пришлось совсем недолго. Через минуту подошел Стендаль. Он вел за руку оробевшую Галочку.

– Что за шум? – спросил он.

– Академия наук интересуется, – ответил Удалов.

Это Стендаля не удивило. Словно Академии наук давно пора было заинтересоваться шоп-турами.

– А мы задержались, – сказал Стендаль. – Мы в подъезде целовались.

– Простите, – сказала Галочка. – Мужчины вашего времени – это просто сладостное открытие!

– Вы меня тоже простите, – ответил Удалов. – Но мне давно уже хочется спросить: вот у вас много разных... извините, надувных женщин и животных. Вас что, выдумывают, в компьютерах выводят или как?

– Или как, – лукаво улыбнулась Галочка. – Честно скажу, все у нас по-честному, все копируется. И даже моя копия существует на самом деле.

– Но можно сделать много копий?

– Разве это так важно?

– Это неважно, – поддержал Галочку Миша. – Я полюбил одну женщину. Только одну. Я ее обнимаю. Я на ней завтра намерен жениться.

– О нет! – вырвалось у Корнелия. – Нельзя же.

– Почему? – спросила Галочка, и голос ее зазвенел, как лист кровельного железа.

– Потому что вы ненастоящая! Вы надувная... Вы кукла, в конце концов.

– А вам не приходило в голову, гражданин Удалов, – сказала Галочка, – что вы тоже надувная кукла. Как вас надули при советской власти, так и забыли выпустить воздух после ее завершения.

– Галочка! – упрекнул невесту Миша.

– Две недели и двадцать лет как Галочка, – ответила надувная девушка из будущего. – И цену человеческой натуре знаю. Вы бы только посмотрели, что у нас расхватывали – шарики с так называемыми надувными женщинами! Потому что все вы стремитесь к дешевым удовольствиям. Если не удастся затащить во двор слона или бегемота, то дайте мне крокодила. Но учтите, что крокодилы кусаются, а мы, надувные куклы, можем подарить страстные ласки, а можем дать пощечину или даже рубануть топором по черепу. Не верите – проверьте! Вы забываете, мой дорогой Корнелий Иванович...

«Откуда она знает, как меня зовут? Неужели это все Миша? Глупый, глупый Миша, ты попал в руки к провокаторше из будущего...»

– Не отворачивайтесь, Корнелий Иванович! Я и мои подруги – детища высокой цивилизации, не вашему пещерному уровню чета. Даже в копиях мы дадим сто очков вперед самой распрекрасной вашей красавице. И учтите, ваш Миша будет со мной счастлив, и я рожу ему немало детей – сколько он захочет. У меня внутри все для этого предусмотрено.

– Вот так-то, Корнелий Иванович, – сказал Миша. – Приглашаю вас завтра на свадьбу.

– Миша!

– Вот именно. Я уже позвонил домой Марии Тихоновне, нашей директорше загса. Она сказала, что ждет нас к двенадцати.

– Не может быть! – удивился Удалов. – Должен быть проверочный срок.

– Мария Тихоновна меня уже пятнадцать лет мечтает на ком-нибудь женить и образумить. Станет ли она рисковать проверочным сроком?

– А документы?

– А документы существуют для того, чтобы их исправлять.

– Адье, – сказала Галочка и умудрилась лизнуть Удалова в щеку. Язык у нее оказался в меру шершавым и в меру мокрым. «А черт их знает, может, и рожать будут... Порода нам улучшает».

– Мы в вашем Гусляре породу улучшим! – крикнула Галочка, обернувшись на ходу. – Хватит рожать кривоногих!

– Это у кого кривоногие? – произнес Удалов.

Подумал: у Максимки ноги как ноги, и вообще у них в семье никто не жаловался. Может, коротковаты немного...

Удалов пошел домой.

У Минца горел свет. Перед подъездом в кустах таились два воина в черных чулках на рожах, но Удалов не стал их замечать. Только сказал им:

– Спокойной ночи, ребята.

Те кашлянули в ответ, в разговор им вступать не положено.

Удалов пошел спать – все равно в темноте трофеи на дворе не испытаешь. А завтра могут и конфисковать. Так что Удалов тщательно запрятал шарики и мячики, включая удава, в нижний ящик Максимкиного письменного стола, которым сын ни разу не пользовался с тех пор, как окончил школу двадцать лет назад.

На столе стояла тарелка и лежала записка:

«Котлета в холодильнике. Ушибла ногу о колокольню. К.»

Удалов решил было, что жена пошутила, и когда ложился, а Ксения заворочалась, забормотала во сне, то спросил:

– А с ногой что?

– Хотела напрямик пролететь в молочный, – сонно ответила Ксения. – Не рассчитала. Но ведь не упала, и то слава богу.

– И то слава богу, – согласился с женой Корнелий.

В доме царила тишина, во всем мире царила тишина, только слышно было, как далеко и таинственно прогревают моторы танки, как дышат в кустах и на крыше военизированные сотрудники Академии наук, а снизу от Минца доносятся голоса. Идет совещание...

* * *

Утром все обошлось.

Минцу каким-то образом удалось уговорить президента и сотрудников покинуть город или затаиться так, что их не было слышно и видно.

Удалов проспал и поднялся только в одиннадцать. Он покормился из комбайна, к которому уже стал привыкать, потом спустился к Минцу.

Минц встретил его в халате.

Он спросил:

– Что же ты свои цапки не притащил? Может, испытаем?

– Не хотел при Ксении. А вдруг там девушка?

– Если девушка, отдашь Ксении, пускай на рынок снесет.

– Стыдно девушками торговать. Среди них такие интеллигентные встречаются.

И Удалов рассказал Минцу о вчерашней беседе с Мишей и о приглашении на свадьбу.

– Во сколько свадьба? – спросил Минц.

– В двенадцать.

– Тогда я предлагаю тебе, Корнелий, не спешить с игрушками и трофеями. Сходим на свадьбу, посмотрим, как она пройдет. У меня с ней связаны особые интересы, тем более после твоего рассказа о Галочке.

– Черный костюм надевать? – спросил Удалов.

– Не думаю. Мише приятнее, если свадьба пройдет непринужденно.

Так и не переодевшись, они пошли к загсу, чтобы присутствовать.

Ясно было Удалову, что Минц не случайно повел его на свадьбу, эта свадьба была связана с тайными ночными перемещениями войск в Гусляре, потому он и спросил напрямик:

– Лев, о чем вы с президентом договорились?

– По моим расчетам, все решится через час, – сказал Минц. – И если я прав, то все наши попытки воспользоваться путешествием во времени в интересах государственной безопасности бессмысленны.

– Не понимаю.

– А вот дойдем до загса, поймешь.

Они дошли до желтого государственного особняка без десяти двенадцать, раньше новобрачных.

Но вскоре появились и новобрачные. Галочка была в белом платье. Очаровательна и свежа. У Миши видны синяки под глазами – наверное, очень бурной выдалась предсвадебная ночь.

И тут же с другой стороны переулка появилась целая процессия.

Шел бритый парень, его рыжая подружка, их мамаша, отец, друзья, только не было, естественно, родителей невесты. За ними медленно следовала машина «Волга» с двумя обручальными кольцами на крыше.

А вот Николай Гаврилов, бывший подросток из дома № 16, привез свою невесту на мотоцикле. За мотоциклом бежала мать Гаврилова, которая была недовольна очередным браком сына, потому что после очередного развода приходилось оставлять бывшей жене одну из комнат или покупать кооператив – Гавриловы из-за этого жили в бедности.

К двенадцати накопились три пары, и если кроме Удалова и Минца (не говоря о женихах) кто-то и знал, что эти невесты вовсе не люди, а надувной товар из будущего, хоть у них неплохо подвешен язык и сексуальные приметы на месте, то никто и виду не подавал.

К загсу подошла Мария Тихоновна, яркая блондинка неопределенного возраста, разговорчивая и доброжелательная.

– Ого! – воскликнула она. – У нас большой день! Полная площадь народу!

Удалов оглянулся. И впрямь народу прибавилось, подтягивались зрители, привлеченные слухами и сплетнями.

В толпе зевак Удалов увидел и президента Академии наук, переодетого цыганкой, и двух его охранников, изображавших негритянскую правительственную делегацию.

Значит, все же поглядывают, наблюдают. Впрочем, так и надо.

Мария Тихоновна сняла замок с дверей, зашла первой, остальным велела ждать в приемной и пока заполнять анкеты.

Все расселись за столы и принялись писать.

Правда, как выяснилось, невестам пришлось придумывать себе фамилии, но они это сделали быстро и с шутками.

Только мать Гаврилова плакала.

Кого-то послали за шампанским, кто-то спохватился, что нет цветов, и нарвали золотых шаров в саду у Савичей, за что заплатили Ванде в долларах.

В помещение загса набилось человек тридцать.

Подошел торжественный момент, когда анкеты сданы, взносы уплачены, в зале наступает тишина и даже перешептывания смолкают.

Три пары стояли перед столом Марии Тихоновны.

На часах было без минуты час.

– Сегодня, граждане, выдающийся день в жизни Великого Гусляра, – сказала Мария Тихоновна. – Сразу три очаровательные пары подошли к моему так называемому алтарю... – Тут она смутилась, потому что в наши дни шутки с религией вряд ли допустимы, и добавила: – Хотя я надеюсь, что после гражданской церемонии вы обвенчаетесь и церковным браком.

По тесно и душно набитому помещению пронеслось шуршание полностью согласных гостей и новобрачных.

– Но закон есть закон! – продолжала Мария Тихоновна. – И я попрошу подходить ко мне пары по алфавиту. Первыми к столу подойдите Гаврилов с невестой и их свидетели.

Мать Гаврилова продолжала тихо плакать.

Профессор Минц вытащил видеокамеру и снимал церемонию. Камера была новая, японская, маленькая, но профессиональная. Точно такой же камерой снимал и президент Академии, только он стоял в другой точке зала.

Слон сунул хобот в открытое окно и торжественно затрубил. Никогда еще Удалову не приходилось слышать, как трубят слоны. Звук был утробным, но не страшным. Все засмеялись, благодаря слона за участие в церемонии.

– По доброй ли воле вы вступаете в брак? – спросила Мария Тихоновна у Гаврилова и длинноногой красавицы.

– По доброй, – сказал Гаврилов.

– Ой, по доброй! – воскликнула красавица. – Вы не представляете, вы просто не представляете, как он это умеет!

Фраза осталась нерасшифрованной, хотя допускала разные толкования. Кто-то в задних рядах хихикнул. Стало уже так шумно, что хотелось скорее перейти или за свадебный стол, или в просторную церковь.

– Тогда я вас попрошу поставить свои подписи под этим документом, – попросила Мария Тихоновна, широко улыбаясь.

Гаврилов предоставил это право своей невесте.

Часы над головой Марии Тихоновны, занимавшие место сменявших друг дружку портретов разных государственных деятелей прошлого, пробили один раз.

И тут невеста Гаврилова натужно проговорила:

– Ах, мне дурно... Не надо...

И на глазах стала съеживаться, уменьшаться, но не так, как раньше, когда надувная девушка превращалась в мячик, а как-то более грустно и натуралистично – из нее словно и на самом деле выпускали воздух, оставляя лишь шкурку. А нет ничего более ничтожного и прискорбного, чем шкурка красивой девушки длиной в метр восемьдесят.

– Ты что, погоди! – закричал Гаврилов. – Да вы здесь все с ума посходили!

Минц рванулся, расталкивая зрителей, к девушке, продолжая снимать трагедию на пленку.

– Мама! – закричал Гаврилов. – Верни мне невесту. Я люблю ее!

Миша Стендаль, заподозрив неладное, вцепился в руку своей невесты и крикнул ей:

– Бежим отсюда!

– Куда бежать? – зарыдала невеста. – Мы с тобой жертвы низкой политики!

И она показала дрожащим пальчиком на вторую блондинку-невесту, которая покорно сложилась и превратилась в тряпочку с белыми волосами. Лишь ее туфли, купленные утром в Гусляре, да белое подвенечное платье, вытащенное из семейного шкафа, остались нетронутыми этим ужасным превращением.

Ноги бритого жениха подкосились, и он упал на колени перед своей суженой.

Этого и следовало ожидать, подумал Удалов. И почти наверняка Минц догадался о том, что все подарки из будущего – не более как фикция. «Они получили от нас то, что хотели, и не пожелали делиться с прошлым слишком передовыми для него технологиями. Явный исторический эгоизм, можно сказать, цинизм, столь свойственный любой цивилизации. Но почему я, с моим житейским и космическим опытом, при всем моем незаурядном уме так и не смог догадаться, что же надо от нас будущему? В чем беда нашего времени? Мы – время неопределенности. Мы не знаем, от чего избавились, и не знаем, к какому берегу пристать. Даже не исключено, что к берегу, от которого мы отплыли, нас тянет еще сильнее, чем в открытое бурное море. Мы и в будущее отправлялись, клонув на привычное название – шоп-тур, это

значит – можно прибахляться. Но зачем нам прибахляться, да и чем прибахляться, мы не подозревали. И решали проблемы по мере их поступления. Подкинули нам девиц, взяли девиц и стали придумывать, к какой койке их приспособить. Пожертвовали нам слона, взяли слона... Так заслуживаем ли мы снисхождения?.. Ведь даже я, человек в принципе честный и бескорыстный, так и не удосужился проверить, что хранится в шариках и мячиках, полученных в будущем. Я откладывал эту процедуру, якобы боясь, что там окажется слон или крокодил, который повредит мне мебель, хотя никто не мешал мне выйти во двор... А на самом деле я боялся неожиданности. Я боялся получить девушку, в которую влюблюсь или которая влюбится в меня, я боялся получить какие-нибудь роковые яйца или нечто невообразимое, что принесет нашей планете гибель. Но почему я должен ждать гибели от собственных внуков?»

Удалов задумался глубоко и как всегда не вовремя. Пока он витал в облаках, погибла и Галочка – чего и следовало ожидать. А из-за окна донеслись крики. Те, кто был ближе к окну и смог выглянуть наружу, сообщили, что могучий слон превратился в серую шкуру. И ребяташки начали было кромсать шкуру и растаскивать по домам, но тут из-за угла выскочили люди в черных чулках и унесли шкуру слона в свой танк, который стоял в кустах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.